

От автора бестселлера
«Виновато море»!

ЛЮСИ КЛАРК

**НАВСТРЕЧУ
МЕЧТЕ**

Люси Кларк

Навстречу мечте

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21625565

Навстречу мечте: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-098124-3

Аннотация

Океан, тропические острова, беззаботная жизнь на яхте в кругу веселых друзей... Казалось, все, о чем мечтали Лана и Китти, покидая туманный Лондон, стало явью.

Днем они исследуют нетронутые белоснежные пляжи, а ночью плавают в лагунах под южными звездами – и всеми силами стараются забыть то, от чего когда-то бежали.

Но рай на земле не может длиться вечно. Очень скоро безмятежное существование сменяется напряжением, дружба – подозрительностью и недоверием. И теперь опасные тайны прошлого, что привели каждого на борт, могут быть раскрыты...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Теперь	6
Глава 2. Тогда	12
Глава 3. Тогда	28
Глава 4. Теперь	44
Глава 5. Тогда	51
Глава 6. Тогда	65
Глава 7. Теперь	81
Глава 8. Тогда	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Люси Кларк

Навстречу мечте

© Lucy Clarke, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Томасу Оуку, который рос внутри меня, пока я писала этот роман. С тобой мой мир стал намного ярче.

Пролог

Тело плывет на поверхности, невидящие глаза смотрят в мрачное небо. Легкие шорты потемнели, карманы наполнились водой. Рубашка вздымается, потом прилипает к неподвижной груди. Струйку крови с правого виска уже смыло, лицо теперь чистое и бледное.

Прямо под телом море кишит рыбой: огромные косяки прорезают воду, а крошечный планктон, их пища, кружится на свету. Ближе ко дну, там, куда не достают солнечные лучи, где видны следы течений и лежат затвердевшие обломки кораллов, обитают хищные существа с белесыми глазами.

Но над водой только тело.

И яхта.

По выгоревшей от солнца палубе снуют босые ноги, среди тех, кто на борту, поселяется страх. Пара минут, и голоса звучат громче, прищуренные глаза сквозь бинокли осматривают горизонт.

Легкий ветерок вскоре уносит остатки спокойствия. Руки на штурвале направляют яхту по ветру, парус развевается, а истину уже унесло течением.

Глава 1. Теперь

Кисточка выскользывает из рук Ланы и, перевернувшись в воздухе, с шумом падает на пол прямо у мольберта. Синие капли акриловой краски попадают на лодыжку, забрызгав маленькую татуировку в виде крыла.

Лана не обращает внимания на испачканную щиколотку. На подоконнике стоит радиоприемник – на него она и смотрит, по-прежнему сложив пальцы так, будто держит кисть перед холстом. Все ее мысли сосредоточены на этой серебристой коробочке из проводов и металла и на голосе диктора новостей.

– ...затонула в сотне морских миль от северного побережья Новой Зеландии. Предположительно, яхта под названием «Лазурная» отправилась от берегов Фиджи восемь дней назад, на борту находилось пять человек, включая двух жителей Новой Зеландии. Морским спасательным центром залива Бей-оф-Айлендс организована поисковая операция. Береговая охрана оценивает погоду на море как умеренную со скоростью ветра до двадцати узлов...

Лана пытается осознать услышанное и сверлит приемник взглядом – сообщите еще какие-нибудь детали! – но диктор уже читает другие новости.

Она отворачивается от холста, проводит рукой по голове. Чувствует прохладу шелкового платка, который повяза-

ла, чтобы не мешали волосы. Восемь месяцев назад, загорелая, босая и с рюкзаком за плечами, она сошла с борта этой яхты. И зашагала прочь по берегу. Под глазами у нее залегли темные круги. Она шла не оборачиваясь. Оборачиваться было нельзя.

Повернувшись, Лана видит себя в высоком стоячем зеркале у стены: побледневшее лицо, встревоженный взгляд больших зеленых глаз. Неужели Китти до сих пор на яхте? Даже после ухода Ланы? Конечно, она вполне могла вернуться в Англию. Лана пытается представить: вот Китти едет в метро и читает по дороге сценарий – блестящие темные волосы распущены, на губах красная помада. Но нет, что-то не складывается. Китти не ушла бы с яхты – как бы они обе вернулись домой после случившегося?

Последний раз Лана с Китти виделись восемь месяцев назад; подруги никогда не расставались на такой долгий срок. В электронном ящике скопилась куча непрочитанных писем от Китти. Сначала они сыпались одно за другим, потом стали приходить реже, с разницей в несколько дней. Интересно, по какому маршруту шла яхта, заходила ли к уединенным островкам? Что творилось на борту? С кем все это время была Китти?.. Лана перестала читать письма подруги. Перестала думать о ней.

Ярким воздушным змеем в мысли врывается прекрасное воспоминание из детства. Им с Китти по одиннадцать лет, они сидят, скрестив ноги, на полу в комнате Ланы и плетут

браслеты дружбы. Со словами «это тебе» Китти протянула ей тонкий браслет из бирюзовых и желтых ниток – любимые цвета Ланы. Китти крепко затянула подарок на запястье подруги, зубами придерживая узел; на руке у Ланы осталось немного клубничного блеска для губ. В ответ Лана сплела для Китти бело-розовый браслетик. Приложив запястья друг к другу, они в один голос сказали: «Друзья навек».

Лана носила свой браслет полтора года, пока тот не выцвел и не истерся до грязно-серого. Как-то в ванне он порвался; Лана выловила браслет из воды и повесила сушиться на вешалку для полотенец, а потом убрала в коробочку для памятных мелочей вместе с фотографией мамы.

«Друзья навек», – пообещали они.

Чувство вины жаром расплзается по всему телу. Лана не сдержала обещание, вычеркнула Китти из своей жизни, будто перерезала причальный канат и дала лодке уплыть в открытый океан.

Лана с нетерпением ждет следующего выпуска новостей. Надо в подробностях узнать, что там происходит. Добрались ли потерпевшие до спасательной шлюпки? Ранен ли кто-нибудь?.. Увы, из приемника несется лишь мелодичная рок-песня. Лана выключает радио.

Сквозь окна пробиваются первые утренние лучи, а бриз приносит в квартиру соленый запах. Привстав на цыпочки, Лана смотрит на море, скрывающееся за верхушками дере-

вьев. Из-за чудесного вида она и согласилась снять эту квартиру, где пол разваливается под ногами, а спать в разгар новозеландской зимы приходится в обнимку с дребезжащими электрообогревателями.

Впрочем, скоро потеплеет, а широким окнам нельзя не радоваться: в комнату попадает много света. Лана ставит мольберт у окна, чтобы порисовать перед уходом. В общем, кое-как устроилась: есть работа, жилье и старая машина. Конечно, жизнь уже не бьет ключом, как прежде, в ней не осталось друзей и смеха. Но, может, так оно и лучше.

Порой Лана вспоминает Англию и отца: он наверняка проводит вечера в своем старом таунхаусе за кроссвордом или перед телевизором. Вот же парадокс: ее всегда раздражал рутинный ритм жизни отца, а теперь Лана и сама живет в спокойствии и уединении. Она пишет отцу раз в пару месяцев – несколько строк, чтобы не волновался, однако свой адрес не указывает. Пока не готова.

Лана прилетела в Новую Зеландию восемь месяцев назад, когда здесь начиналась осень. В легком выцветшем платье она тут же продрогла. Волосы были все еще спутанные после плавания в соленой воде, за плечами рюкзак, с собой пятьсот долларов.

Первую ночь Лана провела в хостеле в Окленде. Устроилась на койке в общей спальне и закрыла глаза, пытаясь уснуть. Если бы в тот момент кто-то зашел в комнату, положил руку ей на плечо и спросил: «Вы как? Что-то случи-

лось?», она сразу бы все рассказала. Про сброшенный с яхты в море холщовый рюкзак, который плыл по поверхности, будто тело человека; про изогнутый горизонт, соприкасающийся с водой; про красный саронг на полу каюты у ног Ланы; про поцелуй в известняковой пещере; про то, как смотришь на лучшую подругу и не узнаешь ее. Но никто не подошел и не спросил. Минуты превращались в часы, часы – в долгую ночь, а Лана все старалась избавиться от этих воспоминаний, выбросить их из головы.

Когда рассвело, она встала под мощную струю душа, чтобы смыть соль с кожи. Поразительно, как бесконечно долго текла вода. Лана надела платье, взяла рюкзак и вышла из хостела. Она так привыкла ходить босиком, что теперь шлепанцы натирали между пальцев. Лана зашла в кафе позавтракать: проглотила солоноватый сэндвич с яйцом и беконом и выпила кофе. У тротуара вдруг остановилась машина с доской для серфинга на крыше и табличкой на заднем стекле: «Продается – 500 долларов». Лана встала из-за столика и подошла к владельцу автомобиля, молодому испанцу, у которого через два дня заканчивалась виза, предложила триста долларов. Парень согласился, только попросил подбросить его в аэропорт.

Потом Лана поехала на север – ни карты, ни плана, ни попутчика. Она давно не водила машину и, привыкнув к штурвалу яхты, слишком резко входила в повороты. Быстрая езда по ровной дороге выбила ее из колеи, и Лана опустила все

стекла, чтобы в лицо дул ветер. Это была ее первая поездка через Новую Зеландию; за окном проплывали безмятежные озера, бесконечные виноградники на холмах и поразительной красоты горы. Наконец Лана добралась до побережья. Там и остановилась – на площадке, откуда был виден залив и разбивающиеся о берег волны. Когда солнце скрылось за линией воды, Лана перебралась на заднее сиденье, достала из рюкзака спальный мешок и завернулась в него, уперевшись шей в дверцу.

Почему Новая Зеландия? Если бы кто-нибудь задал ей этот вопрос, Лана ответила бы, что всегда мечтала там путешествовать, но это лишь отчасти правда. На самом деле Лана верила, что яхта все же вернется в Новую Зеландию – как была уверена в том, что *он* родом отсюда. Наверное, Лана провела все эти месяцы в ожидании лишь потому, что, как ни старалась, забыть «Лазурную» она не могла.

Глава 2. Тогда

Лана нашла альбом для рисования в дальнем углу торговой палатки, между мешками с орешками и стопкой соломенных шляп. Вытащила его с полки, стерла с обложки слой пыли. Жаль, что страницы очень тонкие, зато бумага ярко-белая. Лана отнесла альбом к прилавку, за которым стоял мальчик-филиппинец. Он улыбнулся ей, показав кривые передние зубы, и начал искать цену.

– Художница? – спросил мальчик.

Лана собиралась покачать головой, но вдруг передумала, улыбнулась в ответ и сказала:

– Да, художница.

Черт, а почему бы и нет? Она ведь туристка, и никто – ну, кроме Китти – ее здесь не знает. Можно быть кем угодно.

Лана вышла из тени палатки и сразу вытерла пот – жара на Филиппинах стояла недвижимой и крепкой завесой, не отступая даже ночью. На улицах полно народу, от нагревшихся дорог шел жар, пыль стояла столбом. Янтарно-рыжую копну волос Лана собирала в свободный пучок. Она протиснулась сквозь толпу, обойдя стороной торговца барбекю, который стоял посреди улицы и размахивал соломенным веером над угольками в гриле. Позади него у палатки загудел дизель-генератор, обдавая ноги Ланы волной жара. Миновав ящики со стеклянными бутылками, выставленные прямо на

тротуар, пошла вперед, следуя карте из трещин и выбоин в асфальте. Лана немного расстроилась: хотела найти в торговых рядах какие-нибудь платья с причудливым принтом или оригинальную бижутерию ручной работы, а здесь продавали только самые обычные футболки и саронги.

По другой стороне улицы шел мальчик-филиппинец с петухом на руках, за ним спешила собака, зажав в пасти кокосовую скорлупу. Рядом с мальчиком Лана увидела Китти – подруга стояла в очереди в пекарню. Миниатюрная фигура, насыщенного цвета загар, длинные темные волосы перекинута через плечо – со спины Китти вполне могла сойти за местную. Она говорила что-то сгорбленному старичку, а тот смеялся в ответ. Китти легко сходилась с людьми, и куда бы они ни пошли, тут же заводила разговоры с незнакомцами и засыпала их своими бесконечными вопросами и историями.

Лана остановилась, чтобы перейти дорогу к Китти. Толпа вокруг гудела. Пришлось ждать, пока проедет целая вереница ярких трициклов; от пекарни теплым воздухом доносило сладкий запах дрожжей. В Нораппи нет машин, по улицам колесят и гоняют, сигналив, только трициклы. Прямо как разноцветные тук-туки в Бангкоке – Лана видела такие на фотографиях.

На той стороне улицы вдруг засуетились и зашумели. Мальчик с петухом удивленно вскрикнул, птица вырвалась и побежала к дороге, прямо под колеса трицикла. Водитель резко затормозил, трицикл занесло, а молодого пассажира,

по виду не местного, в яркой футболке и огромных наушниках, выбросило из сиденья. Трицикл врезался в уличный гриль и со страшным скрежетом потащил его за собой по асфальту, прямо на Лану.

Ошеломленная происходящим, Лана едва успела отскокить, но гриль все равно зацепил ее и сбил с ног. Земля вдруг закружилась, сумка и альбом отлетели в сторону. Лана уперлась в гудящий от жары асфальт ладонями, ударилась коленом и лодыжкой. В нос попали песок и пыль.

Кто-то закричал. Мальчик попытался поймать своего петуха, схватил за перья хвоста, с воплем дернул на себя и крепко сжал птицу обеими руками. Лана подняла голову: трицикл лежал у края дороги, а водитель, дав мальчишке подзатыльник, прилюдно отругал его.

Лана сморгнула, снова посмотрела на землю. Хотела встать, но не смогла сдвинуться с места. Сумка валялась в стороне, чистые странички альбома испачкались.

Парень в яркой футболке присел и собрал ее вещи. Сдувая пыль со страниц альбома, он подошел к Лане и спросил:

– Как вы?

– Нормально. – Лана попыталась встать. Голова закружилась, и она подняла руку ко лбу.

– Давайте-ка помогу. – Парень осторожно подхватил ее под локоть и поднял.

Он не отошел сразу, а, стоя спиной к толпе, отгораживал Лану от всех, пока она приходила в чувство. Нога ужас-

но болела. Лана посмотрела вниз – над лодыжкой виднелась кровь.

– Я ехал в трицикле. Водитель хотел объехать петуха, но... – Парень замолчал, снова взглянул на Лану. Из наушников у него на шее едва слышно доносилась музыка. – Вы нормально себя чувствуете?

– Я в поряд...

– Лана! Господи! – Сквозь толпу пробивалась Китти – очки на голове съехали набок, сумка шлепала по бедру. Добравшись до Ланы, подруга бросилась обнимать ее. – Я услышала шум. И увидела тебя! Ты как? Что-нибудь болит? – Держа Лану за плечи, Китти ее осмотрела. – У тебя кровь идет.

– Ничего страшного, – ответила Лана.

Хотелось поскорее уйти оттуда и где-нибудь присесть. Она слегка одернула платье, стряхивая пыль.

– Кажется, это ваше. – Незнакомец протянул Лане ее вещи.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Будьте осторожнее!

Лана повернулась, и перед глазами поплыло. Автомобильные гудки, крики на тагальском, стук молотка по металлу – все вдруг зазвучало глуше. Струйка горячей крови стекала по лодыжке, и от этого ощущения Лану затошнило. В тесноте толпы чувствовался запах порошка, еды, пота. «Просто иди вперед. Не спеши. Надо уйти отсюда», – сказала себе Лана.

Она вытянула руку, чтобы опереться на что-нибудь, но схватила ладонью только воздух.

– Вот черт! – послышался крик Китти, как будто издалека.

Парень подхватил Лану за плечи с другой стороны.

– Порядок, – успокоил он. – Держу.

Они отвели Лану в тень – втиснулись в переулок через узкий проход между палатками. Вокруг бегали цыплята, сушилось белье; какая-то старуха с пустой тарелкой проводила их затуманенным взглядом карих глаз.

– Уже близко.

Из-за расщелины между камнями вышла группа туристов: хлопают друг друга по плечам, громко разговаривают, смеются. Лана осторожно захромала по прохладному каменистому проходу туда, откуда пришли путешественники.

Тропинка привела к лестнице, которая спускалась вниз сотнями белых валунов, аккуратно закрепленных в бетоне. Отсюда открывался вид на бар, построенный на сваях в море под размытым голубым небом. Казалось, вся мебель там была из бамбука или вынесенных на берег коряг. Парни в футболках и пляжных шортах, девушки в сарафанах и ярких топах сидели на низких креслах или на полу на подушках и играли в карты, курили, болтали. Две загорелые девчонки устроились на самом краю, свесив ноги над водой, и пили пиво. Вокруг все вибрировало от ритма музыки, с которой смешались смех и голоса.

Парень нашел им местечко у воды, где дул свежий бриз. Лана положила альбом на стол, присела в широкое деревянное кресло, вытянула ноги – наконец-то лодыжка может отдохнуть.

– Я принесу льда, – сказала Китти, – и попить. Лана, тебе нужно что-нибудь освежающее. – Обращаясь к парню, Китти спросила: – Будете пиво?

– Не беспокойтесь, – отмахнулся он. – Я сам себе возьму. Скоро встречаюсь тут с друзьями.

– Всего бокал, чтобы отблагодарить вас, – настаивала Китти.

Помедлив, он пожал плечами.

– Ладно, почему бы и нет?

Парень представился – его звали Денни, – и пока Китти ходила к бару, сообщил Лане, что родом из Новой Зеландии. У него был ровный золотистый загар, на фоне которого выделялись бледно-голубые глаза, рыжеватые волосы стояли торчком. Лана представила, как проводит рукой по этим тугим кудряшкам.

Денни снял наушники с шеи и положил на стол рядом с альбомом Ланы.

– Рисуешь?

– Немного, – ответила она.

– Что именно?

– Да все подряд. Все, что меня завораживает.

– И что тебя завораживает? – с интересом спросил он.

Лана задумалась. Они с Китти уже месяц путешествовали по Филиппинам, и за это время Лана заполнила два блокнота. Из недавних набросков – компания мальчишек, сидящих на потрескавшейся стене и болтающих ногами; пасущаяся в тени коза; дверной проем, закрытый выгоревшей на солнце желтой простыней; одинокий ботинок, валяющийся на обочине.

– Мне нравится рисовать простые вещи, в которых точно поймано мгновение.

Денни задумчиво кивнул.

– За которыми стоит история.

– Да, именно так.

Китти принесла на подносе три запотевшие бутылки пива, из горлышка каждой торчал кусочек лайма. Она подала пиво Денни и Лане – подруге вместе с салфетками и стаканом со льдом.

– Все, что нашлось для оказания первой помощи.

Лана обернула кубики льда салфеткой и приложила к лодыжке, вздрогнув от холода. Китти протолкнула лайм внутрь бутылки, и все трое чокнулись пивом.

За их спинами послышался стук дерева, а затем смех. Лана оглянулась: на одном из столиков развалилась огромная башня «Дженга». Игроки начали собирать брусочки, переговариваясь на итальянском.

– Отличное местечко. Даже не знала, что тут есть такой бар.

– Владельцы – супружеская пара, классные ребята, – сказал Денни. – Лучше места не найти. – Он посмотрел в сторону моря, где солнце скрывалось в воде, окрашивая ее в розово-золотистые тона. Затем перевел взгляд на вход. – А, вот и мои.

В бар вошли двое парней лет под тридцать и между ними – босоногая девушка со светлыми волосами, немного моложе. Денни помахал друзьям и представил им Лану и Китти.

Аарон, парень с квадратным подбородком и толстой шеей, тоже оказался новозеландцем. Он стоял, крепко сжав руками спинку кресла.

– Деталь я нашел, – сообщил он Денни, – но пришлось тащиться в мастерскую к знакомому знакомого механика.

Денни закатил глаза.

– Сколько с тебя взяли?

– Шесть тысяч песо.

– Нормально.

Аарон кивнул.

– Ладно, пойду за пивом.

Генрих, немец с ровными белыми зубами и короткой стрижкой, выдвинул кресло для Шелл, их подруги-блондинки, и сам сел рядом.

– Что случилось? – спросила Шелл, увидев, что у Ланы к лодыжке приложен лед.

– Оказалась на пути у сбежавшего петуха.

– Эти чертовы петухи просто самоубийцы, – добавила

Китти.

Шелл наклонилась и осторожно потрогала лодыжку Ланы у края припухлости. На запястье звякнули тонкие серебряные браслеты.

– Смахивает на растяжение. Приложи потом еще льда.

Шелл с ее широкой и полной искренности улыбкой сразу понравилась Лане. Интересно, они с Генрихом пара? Непонятно, о чем говорила непринужденность в их общении – о тесной дружбе или близости.

Вернулся Аарон с напитками, легко завязалась беседа. Китти рассказала историю о том, как чуть ранее в тот день наблюдала за свиданием стройной филиппинки и пожилого американца. Лана откинулась в кресле и была рада просто послушать разговор, пытаясь распознать акценты и понять, какие отношения связывают эту группу друзей, вместе путешествующих по Юго-Восточной Азии.

Стоял жаркий вечер, и благодаря гремучей смеси пива и рома разговор быстро перескакивал с одной темы на другую. Забыв о боли в лодыжке, Лана с улыбкой слушала интересные истории из жизни каждого: Денни, например, до девяти лет спал только в костюме Человека-Паука; Генрих так любил соперничать, что просил брата засекаать, сколько он пишет; у родителей Шелл в Онтарио был магазин комбикормов, и она каталась с горки на огромных пластиковых пакетах из-под корма; а Аарон однажды заблудился в тропическом лесу на острове Реюньон и неудачно присел по-больш-

шому прямо над муравейником.

Каждый заказал и выпил еще по несколько бутылок пива. С наступлением темноты в баре зажгли свечи, замигали гирлянды с белыми фонариками. Когда настала очередь Китти, она взяла всем пива с «прицепом» из других напитков, и беседа за столом стала еще громче.

– Так почему вы решили путешествовать? И почему именно Филиппины? – спросила Шелл у Ланы, и остальные тоже посмотрели на нее.

Лана опустила взгляд на бокал. Во рту пересохло, как только она подумала о том, что толкнуло ее уехать из Англии. Вспомнилось, с каким выражением смотрел на нее отец, застав стоящей на коленях на изношенном ковре у себя в спальне с конвертом в руках. Его лицо вдруг осунулось, будто под тяжестью чувства вины.

Чуть позже тем же вечером Лана, съездившись от пронизывающего ветра, стояла на пороге дома Китти, за воротник пальто капал дождь. В душе разрасталась пустота, словно изнутри все выдрали. Открыв дверь, Китти взглянула на подругу и тут же затащила ее внутрь.

– Черт возьми, что у тебя стряслось?!

Китти тогда жила в Илинге и снимала тесную квартирку-студию над цветочным магазином. В захлавленной комнате – двуспальная кровать, заваленная подушками и вязаными покрывалами, вдоль одной стены стояли две вешалки с вещами Китти, обувь она запихнула в сундук у подно-

жия кровати. На туалетном столике было полно косметики, лосьонов для тела и духов, а сама квартира в целом смахивала на костюмерный цех.

Китти сдернула с крючка на двери махровый халат и завернула в него дрожащую Лану.

– Да ты вся продрогла! Что с тобой? Что случилось?

– Можно я останусь? – едва не плача, спросила Лана.

– Конечно! Но в чем дело? Прости, тут дико холодно, чертов домовладелец никак не починит отопление. – Китти показала на электрообогреватель, на котором сушились трусики и кухонное полотенце. – Сейчас принесу нам грелку. И чай.

Через несколько минут они уже сидели в кровати, накрывшись одеялами и положив в ноги грелку. Лана обеими руками прижимала к груди чашку горячего чая, чувствуя бешеный стук сердца. От напряжения разболелась голова. Лана рассказала Китти обо всем – как нашла спрятанный конверт, как узнала правду и как у отца не нашлось слов, чтобы хоть что-то отрицать.

Китти слушала, сжав губы и не отрывая взгляда от подруги. Чай так и не выпили.

Когда Лана закончила, ее лицо было в слезах.

– Я никогда его не прощу.

– Нет, не говори так! – вдруг вскочила Китти. – Он совершил ошибку. Ужасную ошибку, но не надо его ненавидеть!

Китти говорила так взволнованно, что руки у нее затряс-

лись, и на одеяло пролился остывший чай.

Лана постаралась выкинуть из головы эти воспоминания. Просто не могла думать о том дне. Только не здесь. Она подняла взгляд – все смотрели на нее и ждали ответа.

– Ткнули пальцем в глобус, да, Лана? – пришла ей на помощь Китти. Лана кивнула. – Я крутанула его, а Лана закрыла глаза и показала пальцем.

– Правда? – засмеялся Генрих. – Здорово придумали.

Да, отчасти это было правдой. Только это ответ на вопрос, *как* они выбрали Филиппины, а не *почему* решили уехать. Лана сидела на кровати у Китти, скрестив ноги и поставив перед собой глобус. Она закрыла глаза, протянула вперед руку, чувствуя легкое дуновение воздуха от крутящегося шара, и прижала палец к прохладной поверхности.

Лана открыла глаза: кончик пальца указывал на скопление островов у экватора.

– Филиппины.

– Еще пива? – спросила официантка, поддерживая поднос бедром.

Бар уже был переполнен, посетители пытались перекричать грохочущую музыку.

Аарон взглянул на часы на своем крепком запястье, отодвинул стул и поднялся.

– Нет, спасибо, думаю, нам пора.

Официантка отошла, и тогда Аарон предложил Лане и

Китти:

– У нас полно рома, идем?

Лана и Китти отстали от остальных; Китти придерживала подругу под руку, чтобы Лана как можно меньше опиралась на поврежденную ногу. Она распустила волосы, и теперь они лежали на плечах густыми янтарно-рыжими волнами.

Ребята остановились у берега. Лана чувствовала, что опьянела. Сколько она выпила – пять бутылок пива или даже шесть? В темноте было видно, как Аарон развязывает веревку и снимает ее с деревянного столбика. Веревкой была привязана небольшая лодка с подвесным двигателем. Аарон вытолкнул лодку на мелководье.

– Что это? – слегка заплетающимся языком спросила Китти.

– Такси для вас.

Шелл, Генрих и Денни сбросили шлепанцы и зашли в воду.

Они залезли в лодку, и та закачалась, к берегу побежали небольшие волны.

– Куда поплывем? – Китти широко улыбнулась.

– К нам домой, – ответил Аарон.

– Вы что, живете... на воде?

В лунном свете Лана заметила улыбку Аарона.

– Ну же, – позвал Денни из лодки. – Вам понравится, обещаем.

Лана пожала плечами и сбросила сандалии. Ноги скользили по илистому дну – лучше не думать о том, что может скрываться в безмолвных мрачных водах.

В лодке было тесновато; Лана втиснулась между Шелл и Китти и присела на сырую деревянную перекладину, положив на колени сумку и альбом.

Аарон дернул за пусковой трос, и мотор ожил.

Лодка двинулась вперед, бухта наполнилась запахом дизельного топлива и рыбы. Лицо обдувал прохладный ветерок. Под весом пассажиров лодка осела почти до уровня воды – стоило только протянуть руку, и можно было коснуться поверхности.

Ночь стояла тихая и спокойная. Они проплывали мимо ярких лодок «банка» – так здесь называлось традиционное рыболовное судно, похожее на узкое каноэ. Ребята непринужденно болтали, но Лана и Китти сидели молча. Они смотрели вперед, где в темноте постепенно проступали очертания темно-голубой яхты – ее корпус освещала луна. Лана попыталась охватить взглядом всю яхту целиком. Изящное длинное судно с двумя крепкими мачтами. В лунном свете показалось имя яхты, написанное витиеватыми белыми буквами: «Лазурная».

Лана попробовала это слово на язык, и на нее вдруг нахлынула волна смешанных чувств – волнение, предвкушение, страх.

Они устроились ближе к корме яхты – в кубрике, как сказал кто-то из ребят, и Китти очень рассмешило это слово. Пили ром с колой. Лана держала между пальцами косяк – откуда он вообще взялся? – с палубы доносилась музыка. Яхту слегка качало на волнах, будто море пело колыбельную, и Лана почувствовала, как все тело расслабляется.

Шелл устроила им экскурсию: повела под палубу, показала жилые помещения и тесноватую кухню, камбуз, очень чистую, если не считать кучи пустых бутылок из-под пива в углу. В передней части яхты расположились три маленькие каюты с койками, а в задней – две каюты побольше с двухспальными кроватями, там обосновались Аарон и Денни.

Лане понравилось их простое жилище, где пахло нагретым деревом и лаком. Она никогда раньше не бывала на яхте и теперь не спеша разглядывала все детали судна, чтобы потом его нарисовать: полка в салоне, заваленная книгами в мягкой обложке с распухшими от соленого воздуха страницами, стопку которых подперли большой «Энциклопедией мореходства»; два небольших гамака для хранения фруктов под потолком камбуза; развернутые карты, прижатые к столу красивой морской раковинной.

Китти допила ром и отставила в сторону пустой стакан.

– Все еще не могу поверить, что вы живете на яхте. Кстати, чья она?

– Капитан – я, – ответил Аарон.

Лана так и думала – заметила, как он заботливо погла-

дил штурвал, когда они поднялись на борт, как внимательно осмотрел палубу, явно проверяя, все ли в порядке.

– Значит, вы просто плывете и останавливаетесь там, где хочется? – поинтересовалась Китти.

– В общем-то да, – кивнул Аарон.

Из разговоров Лана поняла, что всего на яхте пять человек: Аарон, Денни, Генрих, Шелл и Жозеф, пятый член команды, который курил в стороне от всех, на носу яхты. Денни предложил ему присоединиться к компании, но Жозеф лишь отмахнулся и, сказав, что хочет спать, ушел вниз. Говорил он с мелодичным французским акцентом.

Тянулась ночь, по стаканам разливали ром – еще и еще. Лану окружали разговоры и смех Китти, который становился все более размытым, почти текучим. Стоя на якоре, яхта медленно покачивалась, а вдалеке, за темными водами, мелькали огни города. Лана и представить не могла, что это только начало.

Глава 3. Тогда

Лана проснулась от легкого покачивания. В голове пульсировала боль, и она потерла лоб. Еще с закрытыми глазами почувствовала, что светит солнце, услышала звук работающего мотора и плеск воды поблизости.

Она постепенно разлепила глаза и увидела не стены, не потолок, а небо. Поморгала, привыкая к яркому дневному свету. Лицо обдувал легкий ветерок. Лана попыталась встать, но все вокруг поплыло, закружилось. Попробовала еще раз... Земля будто уходила из-под ног. Наконец стало ясно: они с Китти лежат в гамаке. Повернув голову – ее снова пронзила боль, – Лана увидела море, небо и палубу яхты.

– Кит... – прохрипела Лана.

Китти моментально проснулась и вскочила, словно ее подключили к розетке – волосы всклокочены, взгляд удивленный.

– А? Что?

Лана снова поморгала, пытаясь разглядеть бухту, рыболовные лодки-банки, очертания города, но земля казалась лишь размытым пятном вдалеке.

– Мы плывем.

– Твою ж мать! Что вчера было? – смеясь, вскрикнула Китти.

– Вчера был ром. – С другого конца палубы незаметно по-

дошла Шелл – принесла кофе.

Лана потянулась за кружкой.

– Боже, ты наша спасительница.

– Вы что, похитили нас? – спросила Китти, отпивая кофе.

Шелл улыбнулась.

– Аарон хочет с приливом добраться до одного местечка вверх по течению, так что выдвинулись мы рано. К обеду вернемся в бухту.

Китти протерла глаза и надела солнечные очки, которые каким-то чудесным образом уцелели после ночи в гамаке.

– Как вам спалось наверху? – поинтересовалась Шелл. – Я сама здесь устраиваюсь, когда в каюте слишком жарко, но бывает сыровато.

– Думаю, мы и не заметили. – Лана выбралась из гамака, встала и вздрогнула от жгучей боли в лодыжке.

– Как нога? – спросила Китти.

Лана попробовала перенести вес на больную ногу.

– Терпимо.

– Доброе утро.

К девушкам подошел Жозеф в шортах и мятой рубашке. Худое лицо с заостренными чертами, волосы темные и стильно растрепанные.

– Простите, что вчера ушел и толком не пообщался с вами. Хорошо посидели?

– Вроде да, насколько я помню, – ответила Китти.

– Нам до сих пор не верится, что вы живете здесь, на ях-

те, – добавила Лана.

– Мне тоже, – улыбнулся Жозеф. – Нам всем повезло оказаться на ней.

Лана кивнула.

– Ты давно здесь?

– Чуть больше месяца. Зато какой месяц!.. Другие ребята тут уже намного дольше...

– Шелл! Жозеф! – раздался крик Аарона.

Все обернулись. Аарон в выгоревшей на солнце кепке стоял у штурвала. В его позе сквозило что-то властное: широко расставленные ноги, одна рука на штурвале, высоко поднятый подбородок.

– Поднимаем паруса!

Жозеф повернулся к Лане и Китти.

– Сейчас увидите нас в деле.

Лану окружили звуки: вот хлопает парус, когда его поднимают, вот скрипит натягиваемое полотнище, резкий поток ветра наполняет и расправляет гордый парус. Яхту качнуло, и Лана схватилась за страховочный трос.

Через пару секунд мотор заглушили, и теперь слышен был лишь шум волн и ветра. Лана вытянула шею, чтобы лучше разглядеть парус: его могучий изгиб, уходящий ввысь в ясное голубое небо, завораживал.

Лана никогда прежде не бывала на судне, а уж тем более на такой яхте. Сама мысль о том, что тебя несет по морю

силой ветра, казалась невероятной. Было в этом движении нечто стихийное, нечто поразительно мощное. Ветер поддевал край платья, ерошил волосы, а Лана глубоко вдыхала теплый соленый воздух.

Она осмотрела всю яхту целиком: на потертой палубе из тика кольцами сложены тросы, к поручням привязаны две доски для серфинга и еще одна – для серфинга с веслом. «Это совсем другая жизнь, – подумала Лана. – Совсем другой мир».

Из каюты поднялся Денни, – из-под выцветшей серой бейсболки торчали тугие кудряшки. Он увидел Лану и улыбнулся.

– Вы с нами?

– Похоже на то.

Китти и Лана наблюдали за слаженной работой команды – все двигались непринужденно, каждый знал свое место. Загорелые, босоногие, они походили на экзотическое племя путешественников, которых занесло сюда с дальних берегов.

Через час Денни махнул Лане и Китти на нос яхты.

– Становитесь туда. Подойдем близко к берегу.

Подруги осторожно пошли вперед, стараясь сохранить равновесие на ветру. Китти обхватила Лану за талию и положила голову ей на плечо. Вдалеке проступали очертания суши – горные вершины, из трещин в которых под невероятными углами росли деревья и кусты.

– Обалдеть, да? Поверить не могу, что мы ночевали на

яхте.

– Ага, – ухмыльнулась Лана. – Куда круче, чем уснуть в автобусе.

Прошлым летом они ездили на концерт в Лондон, а потом Китти как-то уболтала музыкантов подвезти их с Ланой до дома на гастрольном автобусе. Через восемь часов Лана и Китти проснулись в Вулверхэмптоне с ужасным похмельем и двадцатью тремя фунтами в карманах.

Море искрилось на солнце. Лана глянула за борт – они выходили на мелководье, и вода становилась прозрачнее, приобретая зеленовато-голубой оттенок. То тут, то там виднелись кораллы.

– Боже, как же хорошо, что мы не в Англии.

Китти взглянула на подругу.

– Как ты после всего этого?

Под «всем этим» Китти имела в виду отца Ланы.

– Сейчас все нормально.

Скалы были так близко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Судно двигалось вперед вдоль утеса.

Обойдя скалистый выступ, они вошли в изумрудно-зеленую лагуну, где из воды торчали огромные рифовые пики. Дальше тянулся безлюдный пляж с белым песком, а за ним возвышался непроходимый лес.

– Мы в раю, – улынулась Китти.

Они стали на якорь в лагуне, а потом, втиснувшись вместе

в лодку, добрались до берега. Лана зарылась пальцами в песок, в тысячи прекрасных мельчайших раковин и частичек белого коралла.

Шелл расстелила покрывало и устроилась в тени пальмы, Лана и Китти сели рядом с ней. Со вчерашнего дня они так и не переоделись и по-прежнему были в купальниках. Китти стянула с себя шорты, легла на спину, подложив руки под голову и подставив солнцу подтянутый живот. Лана сидела, оперевшись локтями в колени, и слушала Шелл – та плела браслет из кожаной тесьмы и одновременно рассказывала историю яхты.

– Первый раз я услышала о «Лазурной» от одних путешественников во Вьетнаме. Давно ходили слухи, что где-то на воде есть община мореходов, путников и любителей приключений, которые заплывают в безлюдные бухты, становятся на якорь у пустынных берегов, спят под открытым небом, ловят огромные волны на серфе и готовят рыбу на ужин. Такая жизнь казалась мне раем, и вот те туристы сказали, что яхту видели. – По лицу Шелл расплылась улыбка. – В общем, в поисках «Лазурной» я отправилась на запад, в сторону Таиланда, хотя до конца и не верила, что яхта действительно существует. И о чудо, я нашла ее! Увидела в тихой бухточке на западе острова Самуи и сразу поняла, что должна попасть на борт. – Шелл отложила браслет, который плела, и продолжила: – Я поплыла к яхте. В кубрике сидел парень и штопал парус – Аарон. С парусом у него ничего не выходило, так что

я представилась и показала, как сделать стежки более крепкими. Папа у меня моряк, и я за свою жизнь починила немало парусов, – объяснила она. – Весь день я провела на яхте, помогая Аарону, а когда мы закончили штопать, я спросила, можно ли мне остаться на «Лазурной».

Все койки на тот момент были заняты; я согласилась на гамак. Первые три недели спала под открытым небом, просыпалась вся в росе и комариных укусах, но наслаждалась каждым мгновением. Потом один парень-датчанин уехал, и я заняла его койку. С тех пор прошло уже больше года.

Денни тут дольше всех, присоединился к Аарону еще в Австралии. Потом были две милые девчонки из Швейцарии, они уехали месяца три назад. Это разбило мне сердце, – призналась Шелл, – ведь я влюбилась в одну из них, Леа. Безответно, конечно, – ее в Швейцарии ждал парень, но она все равно была прекрасна. Тут бывает много народа – кто-то остается на пару недель, а кто-то на несколько месяцев. Генрих, например, с нами уже полгода. Классный парень, и на яхте без него никуда – он способен починить что угодно: мотор, дверцы шкафчика, трюмные насосы. А Жозеф на «Лазурной» недавно. Держится в основном в стороне, но я вижу, что ему нравится. – Шелл развела руками. – Ну вот, про всех вам рассказала.

Лана и Китти переглянулись и в глазах друг друга увидели искру. Они обе поняли: надо стать частью этой команды.

Лана ненадолго уснула в тени и проснулась от того, что Китти толкнула ее в бок и прошептала:

– Куда все делись?

Лана встала и протерла глаза, щурясь на ярком солнце. Шелл рядом не было, да и остальных тоже. Лана осмотрела пустынную бухту: белый коралловый песок, прозрачная голубоватая вода омывает берег. И на берегу никого. Они с Китти остались одни в безлюдной бухте, куда можно добраться только на лодке.

Едва в голове начал зарождаться страх, как Китти вдруг заметила что-то слева от утеса.

– Смотри, – показала она рукой в сторону скалы. – Лодка здесь.

– Господи, ты меня до инфаркта доведешь. – Лана прижала руку к груди. – Я уж подумала, что нас бросили.

Ребята сидели в лодке и разговаривали. Высказывались по очереди, лица у всех были серьезные. Стройный Денни кивал, скрестив руки на груди. Когда заговорил Жозеф, Аарон обернулся и посмотрел в сторону Ланы и Китти. Лана не поняла, смотрит ли он на них, и робко помахала. Аарон не отреагировал и повернулся к остальным.

По рассказам Шелл, на яхте живут странники и любители путешествий. Но привела ли их сюда жажда приключений? Или у каждого была причина сбежать от прошлого?

– Мы ведь правильно поступили, когда уехали? – Лана вдруг посмотрела в глаза Китти.

В ту ночь, когда Лана, потрясенная находкой в спальне отца, появилась на пороге Китти, она решила, что уедет из Англии. Китти приобняла подругу, посмотрела на нее и сказала:

– Тогда я с тобой.

Следующим утром, пока Китти пекла блинчики, они обсудили дальнейшие планы, и Китти призналась, что подумывает бросить актерскую карьеру.

– Меня это убивает, – объясняла она, поворачивая сковороду, чтобы тесто равномерно растеклось по поверхности. – Прослушивания. Отказы. Придирки. На прошлой неделе я пришла на пробы для рекламы пылесоса – рекламы, мать твою! – а тот тип говорит: «Приходи, когда протрезвеешь». – Китти фыркнула. – А я даже не пила!.. Нет, ну ты можешь поверить?

– В то, что не пила?

Китти в шутку стукнула ее по плечу.

– Боюсь, я больше так не выдержу.

– Но ты замечательная актриса.

– Думаешь? – Китти подцепила края блинчика деревянной лопаткой. – В Лондоне полно таких, как я – двадцатилетних девчонок, пытающихся обратить на себя внимание. Это тяжело, Лана. К тому же... В общем, я даже не представляю, чем еще могла бы заниматься. Я больше ничего не умею. – Китти подбросила блинчик, и он аккуратно шлепнулся на сковороду обратной стороной.

– Ты умеешь подбрасывать блинчики.

– Представляю резюме – «Китти Берри, профессиональный подбрасыватель блинчиков»!

Именно в те долгие выходные в захудалой квартирке Китти, пока в окно хлестал дождь, подруги, крутанув глобус, задумали свой отъезд.

Поразительно, как легко можно разобрать по кусочкам прежнюю жизнь. Лана уволилась, отработав положенные дни, съехала со съемной квартиры, продала машину – и все за один месяц. Они с Китти планировали начать путешествие с Филиппин, а оттуда двинуться дальше. Посчитав, надолго ли хватит совместных сбережений, подруги решили, что уже на месте подадут на рабочую визу, как только кончатся деньги. Затем оформили туристическую страховку, запаслись солнцезащитным кремом, шлепанцами и спреем от комаров, сделали прививки от дифтерии и гепатита А. В суматохе Лана закружилась так, что спокойно выдохнула, только когда сошла по металлическому трапу в густую филиппинскую жару.

Теперь Китти смотрела на подругу, и в ее глазах отражалось солнце.

– Правильно ли мы поступили? – переспросила Китти, затем, широко улыбаясь, добавила: – Правильнее некуда!

Китти не хотелось плавать, поэтому Лана пошла одна, поражаясь ощущению невероятной легкости. Нырнула и опу-

стилась почти к самому дну. Когда воздуха стало не хватать, выбралась на поверхность и быстро поплыла вперед, чувствуя, как напрягаются мышцы плеч и ног. Достигнув каменистого островка, вылезла из воды, выжала свои длинные волосы и устроилась у нагретого солнцем камня.

Вдруг у поверхности моря мелькнула загорелая спина, из-под воды высунулась трубка для плавания. Заметив Лану, Денни снял маску, вылез из воды и подошел.

– Увидел что-нибудь интересное? – спросила она.

– Тут потрясающие мозговые кораллы. И еще куча морских ангелов. – Денни залез на камень и плюхнулся рядом с Ланой. Взглянув на ее ногу, спросил: – Как лодыжка?

– Все хорошо, спасибо.

– Давно она у тебя? – Он заметил татуировку на другой ноге в виде крыла с длинными черными перьями.

– С семнадцати лет. Мы с Китти хотели сделать их вместе, по крылу у каждой, но она свалилась в обморок, как только увидела иглу в руках тату-мастера.

Денни рассмеялся.

– А ты все равно себе сделала.

Когда они вышли из салона, Китти подпрыгивала на месте и все повторяла:

– Черт возьми, Лана! Поверить не могу, что ты сделала себе татуировку! Как круто! Твой папаша с ума сойдет, когда увидит!

Однако отец ничего не сказал. Вряд ли он вообще обра-

щал на нее внимание. Лана ходила по дому босиком и сидела, задрав ноги на журнальный столик, но он либо не заметил, либо решил промолчать.

Денни коснулся татуировки мокрой рукой. От его прикосновения по коже пошел жар, и Лана посмотрела на лодыжку так, будто та сейчас загорится.

– Необычная, – сказал он, искоса глядя на Лану. Необычная – в хорошем или в плохом смысле? Непонятно. Лана почувствовала, что щеки у нее краснеют. Надо что-то сказать.

– Вы с Аароном давно знакомы? Вы ведь оба из Новой Зеландии, да?

– Новая Зеландия – не маленькая страна, – с улыбкой ответил Денни. – Меня взяли на яхту в Австралии.

Лана кивнула.

– И как у вас получается? В смысле, плавать по всему свету в компании друзей, жить одним днем. Это так... – Лана искала подходящее слово. – Так нереально.

– Нереально? – улыбнулся Денни. В его золотистых бровях переливалось солнце. – Отлично сказано.

– На что вы живете? – спросила Лана и вдруг поняла, что вопрос мог прозвучать грубо.

– Стараемся особо не тратить. Скидываемся по сто пятьдесят долларов в неделю на еду, воду, топливо и иногда плату за пристань. Если деньги остаются, откладываем на ремонт. У кого-то есть сбережения, к тому же мы не против подработать. Шелл вот делает украшения и продает ту-

ристам, а в портах еще и дает уроки йоги. У Жозефа, насколько я знаю, были отложены деньги. Не знаю, правда, чем займется Генрих – говорит, деньги у него скоро кончатся. Ну а я... я работаю прямо здесь.

– И чем ты занимаешься? – поинтересовалась Лана.

– Переводом. Перевожу книги с французского на английский.

– Никогда раньше не встречала переводчика. Так интересно! – Она взглянула на него по-новому. – И, наверное, очень сложно, да? Даже не представляю, как можно выразить мысли автора на другом языке.

– Это мне и нравится – постараться найти голос автора и передать его. Сложнее всего с юмором: перевести игру слов и вставить шутку в нужное место не так уж просто.

– Откуда ты знаешь французский?

– В детстве ездил с семьей на остров Реюньон. Там говорят на французском, и этот язык мне так понравился, что я решил поступить на французское отделение. Кстати, целый год я проучился на Реюньоне. После универа работал на полную ставку в одной технической компании, переводил документы, но это оказалось не для меня. Все смотрел в окно, мечтал. Вот и переключился на удаленную работу, стал переводить художественную литературу.

Лана понимала, каково это – мечтать оказаться в другом месте. Получив художественное образование, она была вынуждена проводить бесконечные дни в унылой страховой

компании – приходилось платить за квартиру, тут уже не до творческих порывов. Каждый день Лана с нетерпением ждала перерыва на обед, чтобы выйти из мрачного офиса и прогуляться по парку.

С берега послышался громкий свист – Аарон звал всех к лодке.

– Похоже, пора возвращаться, – с сожалением произнес Денни.

«Лазурная» вернулась в бухту к полудню. Никто не предложил девушкам присоединиться к команде, а спрашивать Лане и Китти было неудобно. Аарон вез их к берегу на лодке, и подруги молча смотрели, как уменьшаются вдаль очертания яхты.

Чем ближе к суше, тем сильнее нарастал шум города, будто собиралась гроза. От прежнего энтузиазма не осталось и следа, как только Лана вспомнила об удушающей жаре в их гостевой комнате и о клейковатых кебабах, которые они наверняка купят на ужин, пробравшись домой сквозь толпу людей и уличных собак по заваленному мусором тротуару.

Аарон пришвартовал лодку и держал ее ровно, пока подруги выбирались на берег. Перекинув сумку через плечо, Лана напоследок еще раз взглянула на «Лазурную». Теперь все казалось нереальным, как будто они с Китти побывали во сне и только сейчас начинают просыпаться.

Засунув руки в широкие карманы платья, Лана поверну-

лась к Аарону.

– Спасибо, мы потрясающе провели время.

– Невероятно! – подтвердила Китти. – Лучший день за всю нашу поездку. А тот пляж просто... фантастика. Мы никогда не...

– Давайте за вещами, жду вас на этом же месте через два часа, – перебил ее Аарон. – Отплываем в восемнадцать ноль-ноль.

Лана изумленно уставилась на Аарона. Он вышел из лодки и с безучастным лицом скрестил руки на груди.

– Что, прости?

– То есть... вы берете нас в команду? – Губы Китти понемногу расплывались в улыбке.

– Мы проголосовали и решили вас взять. Жозеф переберется к Генриху и освободит каюту – если хотите.

– Охренеть! – закричала Китти, зажимая рот руками.

– Ты серьезно? Нам можно с вами? – спросила Лана.

Аарон кивнул.

– Но я еще не сказал, на каких условиях.

– Все что угодно, – сказала Китти.

– У нас четыре правила. Тому, кто нарушит их, на яхте не место.

Подруги энергично закивали.

– Первое: каждый вносит свой вклад: готовит, убирает, стирает, ведет судно, несет ночное дежурство – все, что понадобится. Не ждите, пока вас попросят, беритесь за работу

сами. Знаю, у вас нет опыта в мореплавании; вам придется научиться. И побыстрее. Второе: все важные решения принимаем голосованием – куда плыть, что покупать, кого брать в команду. Третье: никаких отношений между членами команды. Лишние сложности нам ни к чему.

– У вас что, яхта безбрачия? – удивилась Китти.

– Я ничего не говорил про безбрачие. Я сказал: «Никаких отношений».

Китти ухмыльнулась.

– И четвертое, – продолжил Аарон. – Я вам не нянька, так что заботы не ждите. Каждый сам отвечает за свою безопасность: на яхте есть спасательные жилеты, страховочные тросы, спасательная лодка, сигнальные ракеты и аварийный радиомаяк. Попросите кого-нибудь из команды показать, как они работают, и надевайте жилеты или пристегивайтесь тросами, когда посчитаете нужным. – Он провел рукой по бритой голове. – Ну, не передумали?

Исполненная восторгом, Лана взглянула через плечо на яхту. Она взяла Китти за руку, и подружки переплели пальцы.

– Не передумали.

Глава 4. Теперь

Лана ходит туда-сюда по комнате, засунув руки глубоко в карманы платья. Картина еще не закончена, сохнет. Обычно в такое время она собирается на работу, но сейчас даже думать не может о том, чтобы идти в галерею и подавать кофе клиентам. В мыслях у нее только «Лазурная».

До Морского спасательного центра, который займется спасением команды, всего тридцать километров – Лана раз в месяц ездит закупать произведения искусства для владелицы галереи и проезжает мимо этого указателя. Лана берет мобильный и ищет в Интернете телефон спасательного центра.

Сидя на краю кровати, она набирает номер. Проходит несколько минут, пока ее не соединяют с кем-то, имеющим отношение к спасательной операции по «Лазурной». Наконец, Лану переводят на Пола Картера, координатора операции. У Пола сильный новозеландский акцент, и он говорит, что не вправе разглашать детали.

– Послушайте, – настаивает Лана, постукивая ладонью по деревянному каркасу кровати, – просто скажите, была ли на борту Китти Берри? Она из Британии, все ее родные там – я могу связаться с ними.

Лана сама удивляется своему властному тону. Нет, она не повесит трубку, пока не добьется ответа.

На другом конце слышится вздох.

– Ладно, подождите немного, – уступает Пол.

В ожидании Лана грызет ноготь на большом пальце – кожа отдает скипидаром – и вспоминает, как познакомилась с Китти. Им было по одиннадцать лет, в школе только что начался летний триместр. Лана радовалась потеплению: на большой перемене в такую погоду можно выходить на спортивную площадку и сидеть одной в каком-нибудь солнечном уголке, а не стоять посреди внутреннего дворика, пытаясь казаться невидимой. Лана доставала тетрадь и рисовала причудливые узоры на последних страницах – завитушки дыма, бурлящие потоки воды, вздымающиеся волны.

Она и раньше замечала Китти – девчонки жили на одной улице и вместе ездили на школьном автобусе, но никогда не общались. Китти собирала свои блестящие темные волосы в хвост высоко на макушке, оставляя свободные локоны у висков. За ней частенько увивалась целая толпа шумных мальчишек, которые носили рюкзаки так низко, что те хлопали по их костлявым задницам.

Лана сидела, скрестив ноги, и зачарованно наблюдала за пушистым семечком одуванчика, которое несло ветром в ее сторону. Белая пушинка кружилась в воздухе, сверкая на солнце. Интересно, каково это – быть невесомой? Лана протянула руку и осторожно поймала пушинку, представляя, как она щекочет кожу. Затем закрыла глаза и загадала желание. Лана не знала, делают ли так с одуванчиками, но зага-

дала все равно.

Открыв глаза, она разжала ладонь – пушинка лежала прямо посередине, будто покорившись ей, но всего через мгновение улетела, подгоняемая потоком воздуха.

– Что это ты делаешь? – Рядом остановилась Китти, портфель у нее висел на одном плече.

– Загадываю желание. – Лана покраснела и разозлилась на саму себя – ну зачем надо было признаваться?

– И что загадала?

– Нельзя рассказывать, а то не сбудется.

Китти пожала плечами. Затем наклонилась и сорвала одуванчик, который рос в высокой траве у изгороди, поднесла его к губам.

– По ним можно определять время. Смотри. – Китти стала дуть на одуванчик короткими выдохами, пушинки закружились в воздухе. После шестого выдоха осталась только одна пушинка. Теперь Китти дула не так сильно, пока не дошла до двенадцати – тогда она дунула изо всех сил, и оставшаяся пушинка улетела в небо. – Вот, всего двенадцать. – Китти выставила вперед запястье с сиреневыми часами. – Двенадцать часов, видишь?

Лана засмеялась.

– Чего? Это правда. – Китти нахмурилась.

– Ладно.

Они обе замолчали, и Лана подумала, что зря рассмеялась, теперь Китти уйдет. Но через пару минут та спросила:

– Ты всегда тут одна сидишь?

Лана наблюдала за божьей коровкой, которая ползла по узкой травинке, подрагивающей под ее весом.

– Не знаю. А ты почему одна?

– Я не одна. Я вот с тобой разговариваю.

Китти качнула головой, махнув завязанными в хвост волосами. У нее такие длинные и темные ресницы, неужели накрашенные? Лане ресницы, короткие и рыжеватые, достались от отца, как и янтарного цвета волосы. А длинный прямой нос и оливковая кожа – от мамы. Люди часто обращали внимание на необычную внешность Ланы, и ей нравилось говорить: «Папа у меня рыжий, а мама гречанка».

– А вообще, я ищу нарциссы, – сообщила ей Китти.

– Зачем?

– У моей мамы сегодня день рождения. – Глянув искоса на Лану, девочка добавила: – Правда, она умерла.

Лана молча уставилась на Китти.

– Моя тоже.

Если Китти и удивилась, то виду не подала.

– Моя умерла, когда мне было семь. От рака. А тебе сколько было?

– Три.

Лана рассказала Китти про аварию. Хотя мама ехала одна, события того дня так четко отпечатались в памяти Ланы, будто это случилось с ней самой. Было утро четверга, мама спешила в супермаркет, а встречный грузовик резко затор-

мозил – перед ним выскочила другая машина. Грузовик занесло, и тонны металла полетели на мамин «Рено». От удара она скончалась на месте.

Узнав о том, что произошло с мамой Ланы, люди обычно смотрели на нее с сожалением и начинали говорить каким-то особым, вкрадчивым голосом. Только не Китти.

Она внимательно слушала Лану, не отводя от нее взгляда.

Немного помолчав, Китти сказала:

– Моя мама умерла в хосписе. Одна. Папа сидел в машине и курил, а я искала, где разменять фунт, чтобы купить газировки в автомате. Когда я вернулась в палату, маму уже накрыли простыней.

Девочки молча смотрели друг на друга. Потом Лана встала и подняла сумку.

– Пойдем. Я покажу, где самые красивые нарциссы...

Из трубки слышится мужской голос.

– Да, Китти Берри числится на борту яхты.

Сердце у Ланы сжимается. Значит, все эти месяцы Китти была на яхте. Неужели после всего, что случилось, она могла по-прежнему с удовольствием смотреть на падающие звезды, лежа в гамаке – как раньше вместе с подружкой?

Потирая лоб, Лана спрашивает:

– Что там произошло? Почему яхта затонула?

– Я пока не могу разглашать информацию, – говорит Пол Картер.

Лана раздраженно стискивает зубы.

– Ее нашли? Нашли хоть кого-нибудь из них?

Откашлявшись, Пол отвечает:

– Все члены команды считаются пропавшими без вести.

Мне очень жаль.

Лана вешает трубку и остается сидеть на кровати. Почти невозможно представить, что «Лазурная» где-то там, в глубине. Что «Лазурная» *затонула*.

На яхте был спасательный плот, он хранился в контейнере на корме – Лана знала это, потому что иногда грелась на солнце, оперевшись на него и вытянув ноги. Только давно ли проверяли, в каком состоянии плот и все ли на месте в тревожном чемоданчике?

Лана с легкостью вызывает в памяти образ яхты: теплая тиковая палуба под ногами, вздымающийся на ветру парус, легкий плеск волн о корпус, когда «Лазурная» стоит на якоре. Но представить, как та же самая яхта сражается с океаном и волны заливают палубу, невозможно. Как невозможно вообразить и то, что вода просачивается в салон, где все они вместе ужинали, наполняет ящики и шкафчики с запасами еды, одеялами, фонарями и веревками, затем поднимается все выше, покрывая приколотые к стенам салона фотографии и полки с потрепанными книжками. Как члены команды пробираются сквозь соленую воду, а вокруг них плавают размокшие карты, одежда и туалетные принадлежности.

Такая яхта не может просто взять и затонуть. Она была построена для плавания в открытом океане, в бурных морях. *Так что же, черт возьми, случилось?*

Лана встает с кровати, подходит к окну.

Долгие месяцы она изо всех сил пыталась забыть яхту и членов ее команды. Лана мысленно закрыла дверцу, ведущую к этим воспоминаниям, потому что за ней скрывалась невероятная, острая боль, и даже сквозь щелку заглядывать в нее было мучительно. Частично Лане это удалось: здесь, в Новой Зеландии, она начала жизнь заново, хотя бывают моменты – стоит ей увидеть паруса на горизонте или услышать плеск волн о берег, – когда в мысли вновь пробирается «Лазурная». Иногда, заслышав мелодичный акцент лавочника, Лана вспоминает Денни, а заметив двух идущих в обнимку подруг, осознает, как сильно скучает по Китти.

Теперь, когда яхту упомянули в новостях, воспоминания возвращаются, звено за звеном, и якорной цепью тащат ее с собой на дно. С каждым забытым моментом Лана опускается все глубже: крепкие пальцы на бледной шее; заплаканное лицо Шелл, когда она вышла на нос корабля поговорить; хлещущие о борт темные волны и протяжный скрип снастей на ветру; болезненный взгляд Китти, тянущей руку вверх; темно-красное пятно крови, растекающееся по палубе.

Знай Лана тогда то, что знает сейчас, вряд ли она вообще ступила бы на борт «Лазурной».

Глава 5. Тогда

Лана стояла у штурвала, держа руки на нагретом солнцем рулевом колесе. Пылающее красное солнце опускалось в море, окрашивая воду в розовый цвет.

Она посмотрела на Китти – в вечерних лучах кожа у подруги казалась темно-бронзовой, в солнечных очках отражалось пламя заката.

– Я все боюсь, что в любой момент кто-нибудь явится и скажет, что нас занесло не туда, – сказала Лана.

– Понимаю, – согласилась Китти. – Мы ведь с тобой на яхте, черт возьми! Что может быть лучше?

Шла их пятая ночь на борту «Лазурной». Подруги безнадежно влюбились в такой стиль жизни: им нравилось долго плавать под водой с трубкой, разглядывая коралловые сады и исследуя безлюдные бухточки, учиться поднимать паруса и вести судно по курсу, готовить в тесном камбузе, где сквозь иллюминатор видно море, болтать всю ночь, сидя на палубе и чувствуя сладкий привкус рома во рту.

Китти поднесла руки к уху Ланы.

– Только послушай, – сказала она и потерла ладони. Раздался скребущий звук: кожа стала сухой и мозолистой от натягивания тросов – Аарон велит называть их *шкотами*. – Мое тело заявляет, что ручной труд – не для меня. Пойду спрошу Шелл, нет ли у нее крема.

Китти спустилась к каютам, а Лана переключила внимание на экран плоттера, чтобы проверить курс и местоположение судна. Они направлялись к небольшому островку, у которого планировали стать на якорь на ночь. У Аарона был нюх на подобные места, ему нравилось исследовать новые укромные заливы и потаенные бухточки, а не причаливать к берегам, которые известны каждому любителю мореплавания.

За две ночи до этого они подошли к подветренному берегу крошечного острова, население которого составляло всего шестьдесят человек. Не успели они сбросить якорь, как с десяток детей из поселка поплыли к яхте. Аарон пригласил их на борт. Все мокрые, они стояли на корме, скромно улыбаясь и хихикая. Денни принес кулек конфет, и через пару минут ребята уже осмелели и начали исследовать яхту. Их поразили стопки книг в салоне, компьютер и музыка, игравшая из айпода Шелл.

Лана начинала понемногу понимать принцип движения яхты. Судно реагирует на действия не так быстро, как автомобиль: повернешь штурвал, а судно следует за ним лишь через несколько секунд. Управлять яхтой, находясь в задней ее части, тоже было непривычно, и Лана постоянно вставала на цыпочки, чтобы заглянуть вперед – нет ли чего на пути.

Аарон вышел на палубу с яблоком в руке. Из футляра, прикрепленного к приборной панели, он вытащил ножик, который хранился там на случай крайней необходимости,

например, чтобы перерезать запутавшийся трос или защититься при abordаже. Аарон протер лезвие о шорты, затем аккуратно отрезал кусочек яблока и поднес его ко рту на кончике ножа.

– Как успехи? – спросил он, прожевывая хрустящее яблоко.

– Вроде неплохо. Идем со скоростью шесть-семь узлов.

Аарон кивнул в ответ. Он молча наблюдал за водой, отчетливо вид у него становился более умиротворенным, а глубокие линии на лбу разглаживались.

Интересно, сколько Аарону лет? Всем остальным в команде не больше тридцати, самая юная среди них Шелл – ей всего двадцать два, но Аарон выглядел более умудренным опытом, так что ему, наверное, было уже за тридцать. Хотя для капитана яхты таких размеров, как «Лазурная», он считался молодым. Пусть его судно не из современных дорогущих моделей, мимо которых они порой проплывали, длина у нее была внушительная – пятнадцать метров. Аарон купил яхту в Новой Зеландии, раньше она была чартерным судном. На борту царил атмосфера любимого всей семьей дома, где у каждого уголка есть своя история. Лане нравился деревянный шарм кают: густо покрытое лаком дерево со временем приобрело оранжеватый оттенок, а некоторые двери и засовы можно было открыть только под определенным углом. На палубе Аарон установил солнечные батареи и ветротурбину – хотел, чтобы их путешествие наносило как можно мень-

ше вреда окружающей среде.

– Шелл говорит, что первый переход на «Лазурной» ты совершил из Новой Зеландии в Австралию?

Он кивнул.

– Вот это да. Очень смело – проделать такой путь в одиночку.

– Или глупо. – Аарон отрезал еще кусок яблока и, пережевывая его, всмотрелся вдаль: впереди показались каменные склоны островов.

– Как ты решился на такое?

– Наверное, искал новых ощущений.

Его ответ заставил Лану задуматься. Аарон приобрел яхту, потом полгода занимался ее переоснащением и в итоге отплыл один. Должна быть веская причина, чтобы пойти на подобный риск. Или, может, веская причина уехать из Новой Зеландии?

– А чем ты занимался раньше? В смысле, до того, как отправился в плавание?

По-прежнему глядя вперед, Аарон ответил, медленно и четко:

– Я много чем занимался, Лана. А теперь хожу под парусом.

Он отрезал от яблока последний кусочек, положил нож на место и ушел на нос яхты. Стоя там и держась одной рукой за страховочный трос, Аарон смотрел на воду.

Ветер все дул.

Когда они наконец поставили яхту на якорь в том месте, которое Аарон считал подходящим, уже спустились сумерки. Справившись с работой, все втиснулись в салон и расселись за столом – Аарон созвал собрание. Сам он не сел.

– Давайте по-быстрому проголосуем. Эту ночь, а может, и следующую проведем здесь. Надо узнать, куда народ хочет отправиться дальше. У нас есть пара вариантов.

Аарон разложил карту в середине стола и объяснил, что они могут либо двинуться к островам на северо-востоке отсюда – там отличные волны для серфинга, но путь может оказаться нелегким, либо направиться на юго-восток, где воды поспокойнее, а плавание с маской и дайвинг обещает быть незабываемым.

Рассказав о вариантах, он предложил проголосовать и сам высказался первым.

– Лично я за север. Интересно посмотреть, большие ли там волны.

Шелл, сидевшая ближе всех к Аарону, проголосовала следующей:

– Извини, но я выбираю юг. Лучше займусь подводным плаванием, чем буду гоняться за волнами.

Генрих поддержал Шелл, а Денни и Жозеф согласились с Аароном. Остались только Лана и Китти.

– Север или юг? – спросил Аарон.

Лана была рада, что их мнением тоже заинтересовались.

То, что Аарон ввел такую честную, демократическую систему, было достойно уважения, ведь как капитан он был вправе принимать решения самостоятельно.

– Оба варианта звучат отлично, но я хотела бы еще поплавать под водой, так что выбираю юг, – ответила Лана.

Китти поддержала ее, и решение было принято.

Когда все стали подниматься из-за стола, Денни сказал Аарону:

– Тебе не кажется, что нам так и не удастся превратить это плавание в заезд по лучшим местам для серфинга?

– Невезуха, – хлопнул Аарон его по плечу.

Проголосовав, Лана и Китти отправились готовить ужин – жарить моллюсков, которых днем набрал Денни. Они разложили еду по пластиковым тарелкам и поднялись с ними на палубу. Из-за легкого ветерка по залитой лунным светом бухте шла рябь. Сидя спиной к страховочному тросу, Лана рассматривала темные очертания изогнутого берега острова Топо. Судя по карте, шириной он всего в полкилометра, зато известен невероятными горными породами и скалами. Скорей бы утро, чтобы можно было исследовать остров.

После ужина Шелл и Генрих занялись мытьем посуды – сначала сполоснули в большом ведре с морской водой, затем отнесли вниз и домыли в чистой. Аарон не позволял тратить лишнюю воду: три минуты в душе считались роскошью, а для мытья тарелок воду наливали в емкость на самое дно.

Бак они пополняли при первой же возможности, но в отдаленных уголках найти чистую воду было нелегко. Иногда собирали дождевую, а на крайний случай имелся опреснитель, хотя насос работал шумно и потреблял много энергии, да и вода в итоге получалась безвкусной.

Генрих поднялся на палубу с бутылкой рома и бокалами на подносе. Яхта дремала, стоя на якоре, а члены команды, как это часто бывало поздними вечерами, болтали, пили и смеялись. Лана сидела чуть поодаль от остальных и смотрела на небо, густо-черное и усыпанное звездами. Теплый бриз, соленый, с земляным запахом, рассыпал ее волосы по плечам. Откуда-то с берега доносился стрекот сверчков.

Раздался хохот; все собрались вокруг Китти, а та рассказывала историю, приключившуюся с ней на последнем сыгранном спектакле.

– Тогда-то, – Китти выдержала театральную паузу, – я и поняла, что на нем *ничего* нет. Он. Совершенно. Голый!

Шелл хлопнула в ладоши, Генрих рассмеялся.

Денни потянулся через стол за бутылкой рома, налил тем, кто сидел рядом. Затем встал и подошел к Лане.

– Будешь еще?

– Спасибо. – Она подала стакан.

Денни наполнил его и присел, оперевшись на поручень.

– Это хоть когда-нибудь надоедает? Прелесть всего этого? – спросила Лана.

Задумавшись, он сделал глоток.

– Ощущение новизны, может, слегка и стирается – ну, бурные эмоции от того, что ты *первый раз* бросаешь якорь, *первый раз* идешь купаться ночью, *первый раз* оказываешься среди океана и не видишь землю. Но прелесть, нет, прелесть никуда не девается.

Довольная его ответом, Лана кивнула. Каково это – оказаться так далеко от берега, что не видно земли?

– Долго вы с Китти думаете здесь пробыть? – спросил Денни.

«Лазурная» направлялась в залив Бей-оф-Айлендс, в свой порт регистрации в Новой Зеландии – из-за сезона ураганов Аарон хотел добраться туда к ноябрю, самое позднее к декабрю. Примерный маршрут пролегал к востоку от Филиппин в сторону Палау, оттуда на юго-восток к Папуа – Новой Гвинее, Фиджи и, наконец, Новой Зеландии. Точно сказать было нельзя, все зависело от погоды. Лана с удовольствием осталась бы на яхте до конца путешествия, которое заняло бы месяцев восемь, однако денег оставалось только месяца на три, и то если экономить.

– Наверное, насколько хватит средств.

Денни кивнул.

На носу яхты что-то мигнуло – Жозеф закурил сигарету. Почти все вечера он сидел поодаль от остальных и писал что-то в кожаной записной книжке, которую носил в кармане рубашки. Хотя Лане очень нравилось на яхте, она понимала его потребность побыть одному: уединиться здесь было негде,

каюты приходилось делить с другими, обедали все вместе, работали тоже вместе, совместно проводили вечера. От носа до кормы двадцать шагов – вот и вся яхта.

– А Жозеф, как он сюда попал? – спросила она у Денни.

– Мы подобрали его на одном далеком островке пять или шесть недель назад – накануне Рождества. Туристов там обычно немного, и мы встали на якорь в уединенной бухточке. На пляже между деревьями был натянут брезент, вроде рыбацкого укрытия. Под ним мы и нашли Жозефа. Он спал под открытым небом – такой тощий, как будто нормально не ел уже несколько дней. Я позвал его на яхту, накормил. Потом он спросил, можно ли ему плыть с нами. Мы проголосовали – и вот он здесь.

– Что же он делал там, на острове?

– Мы сначала подумали, что он бездомный, но деньги у него есть – кажется, получил наследство. – Пожав плечами, Денни добавил: – Может, ему просто хотелось побыть одному или найти местечко вдали от толп туристов, кто знает.

Свет от налобного фонарика Жозефа скользил по записной книжке.

– Наверное, у каждого своя история.

– А какая у тебя, Лана? – с улыбкой спросил Денни.

– У меня?

Он кивнул.

– Покрутила глобус, выбрала наобум страну и в итоге очутилась здесь. Отдала свою жизнь на волю случая. Почему?

Вспомнился отец – как он стоит, ссутулившись, в дверном проеме. Лана покачала головой, стараясь выбросить эти мысли.

– А почему нет? – сразу ощетинившись, ответила она.

Денни долго молча смотрел на нее, затем с улыбкой сказал:

– Тогда я, наверное, должен благодарить его величество Случай – ведь если бы не твой глобус и не тот петух-самобийца в Нораппи, мы никогда бы не встретились.

Лана взглянула на Денни: он улыбался, и у нее покраснели щеки. Денни сделал еще глоток и, опуская стакан, положил руку рядом с ее рукой. Лана чувствовала, как соприкасается их кожа, и от этого внутри все запылало.

Послышался всплеск, затем чей-то смех. Лана выглянула за борт: Шелл держалась в воде на одном месте, светлые волосы прилипли ко лбу.

– Кто со мной?

Лана сняла платье, подтянула купальник и нырнула.

Ей безумно нравилось мгновение перед тем, как оказываешься в воде – когда целенаправленно летишь вниз, волосы сдувает за спину, а тело распрямляется.

Она прошла сквозь поверхность воды, и море окутало ее, наполняя уши мелодией пузырьков. Лана не дергала ногами, не двигалась, просто опускалась все глубже и глубже.

В какой-то момент зависла на месте, и тогда море начало

поднимать ее назад к поверхности, к воздуху, к ночи.

Послышались голоса – остальные тоже уже были в воде. На палубе оставалась только Китти.

– Лана? – позвала она, расхаживая в купальнике туда-сюда по носу яхты. – Как тебе?

– Замечательно. Я подплыву к корме, прыгнешь оттуда.

Движения Ланы были ровными и легкими, она наслаждалась очарованием ночного моря, чувствуя, как вода скользит по коже. Став частью команды, они плавали каждый день, и мышцы окрепли. Лана доплыла до кормы, где, обхватив себя за талию, стояла Китти.

– Давай на мой счет, – сказала Лана.

– Хорошо.

– Раз, два, три... три с половиной... четыре...

Полетели брызги, и Китти тоже оказалась в воде – смеясь, визжа и откашливаясь. Она всегда побаивалась воды и теперь, бешено шлепая руками, подплыла к Лане и обняла ее за шею, стараясь отдышаться.

– Там под нами водоросли и все такое? – прошептала Китти, моргая, – в глаза попала соленая вода.

– Нет, вода чистая, – ответила Лана. – Отплывем подальше?

– Только не очень.

Поплыли медленно, Китти – брассом, держа подбородок над водой, Лана – стараясь плыть вровень с подругой. Вблизи от яхты они остановились.

Отсюда «Лазурная» выглядела еще красивее, ее мерцающие огни отражались в море. Ветра почти не было, и подружки лежали в воде на спине, глядя на звезды. Из укромных уголков острова доносились крики птиц.

– Просто невероятно. – Китти взяла Лану за руку. Сжав ладони, они покачивались на спине, волосы разметались вокруг лица. Послышались легкий плеск и голоса – остальные плыли в их сторону.

– Кто-нибудь проверил трап? – спросил Генрих.

– Не-а, – ответила Шелл.

– И я нет, – отозвался Денни.

– Нет, – сказал Жозеф.

– Вы что, серьезно? – вступил Аарон. – Никто не спустил трап?

– Что такое? – Китти поднялась со спины. – В чем дело?

– Ты слышала историю про пару, которая отправилась купаться в штиль? – ответил вопросом на вопрос Генрих.

– Какую еще пару? – Китти покачала головой.

– Они были вдвоем на яхте и решили пойти поплавать – стоял такой же штиль, как сейчас. Прыгнули в воду, поплескались, охладились. Когда почувствовали, что устали, поплыли назад к яхте – и тут поняли, что забыли сбросить трап. Вернуться на яхту они не смогли.

– Должен же быть какой-то способ, – сказала Китти.

– Ни трапа, ни опор для ног, зацепиться не за что – лишь гладкий и блестящий корпус яхты.

– Но они ведь сумели забраться обратно?

В ответ на вопрос Китти Аарон покачал головой.

– Через полтора месяца яхту обнаружили пустой, а на корпусе были царапины от ногтей.

– Но... у нас спущен трап? Кто-то должен был его сбросить. – В голосе Китти прозвучала паника.

– Кит, ты прыгала с платформы для купания, – спокойно сказала Лана. – Она низкая, на нее легко забраться. Нас просто подначивают.

Генрих и Аарон рассмеялись.

– Засранцы! – Китти забрызгала их водой.

– Отвлекаем вас от мыслей об акулах и морских змеях, – серьезным тоном отозвался Аарон.

Китти усмехнулась.

– Я плыву назад.

Остальные двинулись вслед за ней, но Лана сказала, что догонит – захотелось ненадолго остаться одной. Она легла на спину, легкая, свободная. Казалось, что все возможно, что они с Китти являются частью чего-то прекрасного и рискованного и прежняя жизнь в Англии с этим не сравнится. Поддерживаемая морем, Лана закрыла глаза. Голоса друзей отдалялись.

Вдруг в неподвижных водах что-то переменялось, почувствовалось какое-то колебание. Будто чья-то рука коснулась ее кожи, провела вниз по спине и бедрам. От удивления Лана дернулась. Сейчас кто-то из ребят выплывет на поверхность

и рассмеется. Прошло тридцать секунд... минута... Никого не было.

Лана развернулась, посмотрела вокруг. По шее поползли мурашки. Похоже, остальные уже добрались до кормы и теперь забирались на борт, хотя издали не разглядишь, все ли они там, у яхты.

Неужели ей почудилось? Реши кто-нибудь из команды подурачиться, то схватил бы ее за ногу, как будто акула, а это было легкое, едва осязаемое касание, словно угорь скользнул у ее спины.

Лана быстро поплыла в сторону яхты и вскарабкалась на корму, в спешке ободрав ногу о край платформы из металла.

Китти принесла полотенце и, увидев Лану, завернулась в него вместе с подругой, прижавшись к ее дрожащему телу.

– Кит, – прошептала Лана, – никто сейчас не подплывал ко мне?

– Нет, а что?

– Почудилось... как будто кто-то коснулся моей спины под водой.

Лана обернулась: Шелл, Генрих, Денни, Аарон и Жозеф – все на борту, обсыхают. Мог ли кто-то из них вернуться на яхту быстрее ее?

Она взглянула на темное море – зловеще безмолвное, гладкое, как стекло.

Глава 6. Тогда

– Не у всех тут такие длиннющие ноги! – крикнула Китти.

Лана замерла, глянула через плечо на подругу – та стояла босая на валуне, скрестив руки на груди. Щеки у нее порозовели, на лбу выступил пот.

– Протянуть тебе ногу помощи?

– Нет уж, не надо!

Лана усмехнулась. Пыхтя и ругаясь себе под нос, Китти полезла вверх по скале.

Последнюю часть пути они преодолели вместе, наконец нагнали остальных и теперь стояли на верхушке горы, где за широким выступом, прямо над водой, виднелся обрыв. Дул теплый бриз, принося с собой меловой запах гор.

– Пожалуй, надо опробовать этот трамплин. – Денни подошел к краю и глянул вниз: двенадцатиметровый обрыв выходил на голубую лагуну, где перед этим он плавал с маской и трубкой, чтобы проверить глубину.

Денни снял футболку и затянул шнурок на шортах. Тело у него было стройное и загорелое. Разглядывая крепкие мышцы, Лана представляла, как бы она нарисовала его, где добавила бы теней, где штрихов. Казалось, энергия в нем так и кипела: каждое утро Денни плавал перед завтраком, а если Лана еще до рассвета заходила в салон за стаканом воды, то заставляла его за столом, с ноутбуком и кружкой кофе – Ден-

ни работал над переводом.

Он потянул шею, размял ноги.

– Давай уже! – крикнул Аарон.

Денни немного отошел назад и, разбежавшись, прыгнул с обрыва. Лана ожидала невероятного зрелища, но он просто прижал колени к груди, сгруппировался и вошел в воду с оглушительным всплеском. Через пару секунд Денни появился на поверхности под радостные крики друзей.

Щелкнула зажигалка. Лана обернулась и увидела Жозефа – улыбаясь, тот прикуривал самокрутку.

– Сделай и мне, Джо-Джо, – попросила Китти.

– Я думала, ты куришь, только когда пьешь, – удивилась

Лана.

– А ты уверена, что я не пила? – подмигнула ей подруга.

Жозеф передал Китти свою, зажженную.

– Спасибо, милый.

Весь день они провели на вершине утеса, где дул прохладный ветерок. Прыжки в воду становились все более смелыми: Денни и Генрих выпендривались друг перед другом, делая кульбиты, неуклюжие сальто и прыгая ласточкой.

Лана заметила, что Генрих любит соперничать – забираясь обратно на обрыв после удачного прыжка, он явно ждал похвалы. Шелл подтрунивала над ним, говорила, что снимает с Генриха очки за согнутые ноги во время погружения. Пока ее лицо не расплывалось в улыбке, он выглядел по-настоящему расстроенным.

Когда Лане стало слишком жарко, она тоже прыгнула с обрыва. Едва ноги оторвались от скалы, как в кровь хлынул адреналин. Вода вспенилась белым, в нос и рот залилась соленая вода, и Лана вынырнула, откашливаясь и смеясь.

Настало время обеда, Шелл сплавала на лодке к яхте и вернулась с огромным пакетом бутербродов, фруктов, привезла холодную воду для питья. В море не было видно ни одного судна, и, если не считать пролетевшего над головами самолета, они были совершенно одни.

Солнце пошло к закату, и все понемногу стали перебираться на яхту, на утесе остались только Жозеф, Аарон и Лана. Жозеф подошел к обрыву, взглянул вниз. Футболку ветром прижало к его телу, и Лана впервые заметила, какой он худой. Лопатки торчали, проступал позвоночник.

– Прыгнешь? – спросил стоявший позади него Аарон.

Не отрывая взгляда от воды, Жозеф пожал плечами.

– Неужели не попробуешь? – Вид у Аарона был хитрый.

Жозеф повернулся к Аарону, встав спиной к обрыву, не спеша затянулся, выпустил дым вверх, бросил окурочек и растоптал голый пяткой. Аккуратно положил очки на землю и сделал шаг назад так, что оказался ровно на краю утеса.

– Осторожнее, – сказала Лана.

Жозеф согнулся и резким движением выпрыгнул вверх и назад, прогибаясь всем телом. Он будто скользил сквозь перевернутый мир, расставив руки в стороны. Ветер поднял футболочку, обнажив бледный живот. Ближе к воде Жозеф

изящно свел руки вместе и пронзил голубую поверхность.

Вода вспенилась белыми пузырьками, а потом он вынырнул на поверхность. Лана от удивления раскрыла рот.

– Да-а-а! – завопил Денни, и его крик эхом отразился от скал. Те, кто был с ним в лагуне, радостно подхватили вопль.

Жозеф какое-то время держался на воде, широко улыбаясь, потом развернулся и спокойно поплыл к яхте.

– Ни хрена себе, – покачал головой Аарон. – Мне это не привиделось?

– Нет, – ухмыльнулась Лана.

Аарон молча подошел к краю и прыгнул, широко расставив руки. На мгновение показалось, что он как будто замер в воздухе, отдавая себя небу. Оказавшись в море, он не вынырнул на поверхность, а сразу поплыл дальше в сторону яхты – очертания темного тела были видны сквозь прозрачную воду.

Лана подняла очки Жозефа и собрала свои вещи. Перед тем как спуститься с утеса, она подошла к краю и посмотрела, как вся команда направляется к яхте – и Жозеф плывет посередине.

Стоя у обрыва, Лана вдруг почувствовала, что эти золотые деньки не могут длиться вечно. Очень захотелось нажать на паузу, остановить жизнь на этом моменте и крепко держаться за него.

Позже команда собралась в кубрике, в помещении мер-

цали свечи. По заливу расходились небольшие волны, качающие яхту. Выдался редкий, почти идеальный вечер, когда беседа легко переходила от одной темы к другой, а над темными водами разносился смех.

Жозеф снова сидел в одиночестве на носу яхты и писал что-то в записной книжке, подсвечивая себе налобным фонариком. Лана взяла свою бутылку пива и подошла к нему.

– Можно присоединиться?

Он обернулся, и луч от фонарика скользнул по ее лицу. Она сощурилась, прикрыла глаза рукой.

– Конечно. – Жозеф выключил фонарь, закрыл записную книжку и убрал ее в нагрудный карман рубашки.

– Впечатляющий был прыжок. – Лана присела рядом. – Где ты так научился?

– В Париже. Давным-давно занимался прыжками в воду, прыгал с вышки.

– А сейчас занимаешься?

– Нет. Сейчас нет.

Они сидели молча, сюда доносился шум голосов и смех остальных. Лану не беспокоило отсутствие слов, дома она к этому привыкла.

Что-то притягивало Лану к Жозефу – может, она чувствовала его отстраненность от остальной команды, знала, каково это – быть изгоем. Если бы не Китти, ее подростковые годы прошли бы в полном одиночестве.

В тусклом свете луны верхушки волн отсвечивали сереб-

ристым. Помолчав еще немного, Лана спросила:

– Можно поинтересоваться, что ты там пишешь?

Задумавшись, Жозеф ответил:

– Стихи.

– Стихи о том, что видишь, или о том, что чувствуешь?

Теперь он внимательно посмотрел на Лану.

– Хороший вопрос.

Жозеф достал из кармана шорт баночку табака и сигаретную бумагу. Проворными движениями длинных пальцев ровно завернул табак.

– Я пишу о том, что чувствую. – Лана кивнула. – А тебя я иногда вижу с блокнотом. Рисуешь?

– Да. В основном делаю наброски. Тут столько всего хочется нарисовать.

Жозеф закурил и медленно затянулся.

– Значит, тебе нравится на яхте?

– Еще как. Нам повезло.

– В путешествии по морю чувствуется свобода, да? – Жозеф затянулся и протянул ей самокрутку. Хотя после университета Лана бросила курить, порой она не отказывалась.

– Спасибо. – Она сделала затяжку, в голову приятно ударил никотин.

– Кого бросила дома? – спросил Жозеф.

Возвращая самокрутку, Лана ответила:

– Только отца.

Лана представила его: сидит в своем кресле с газетой, раз-

гадывает кроссворд, на нем потертые зеленые брюки и мягкая рубашка. Удивительно: подумав о том, как одинока и одиобразна жизнь отца, она почувствовала жалость. Его хоть кто-нибудь навещает?

– А ты?

Жозеф засмеялся, но в его смехе Лана уловила странные, грустные нотки.

– У меня никого нет.

– А родные?

– Никого.

– Совсем никого?

Он резко покачал головой.

– Мама и папа умерли. Год назад.

– Ох, прости. Могу я спросить, что случилось?

В лунном свете было заметно, как Жозеф помрачнел.

– Они погибли в пожаре.

– Мне жаль, – искренне посочувствовала Лана. Денни ведь рассказывал, что они подобрали Жозефа на безлюдном филиппинском пляже, где он спал под открытым небом. Он, наверное, с ума сходил от горя. – Поэтому ты и уехал из Франции? И приехал сюда?

Жозеф медленно кивнул, не отрывая взгляд от моря.

– У меня были кое-какие сбережения, так что я мог отправиться куда угодно. Иногда лучше уехать, правда?

– Правда, – согласилась Лана.

Она отправилась спать в полночь: разделась до белья, но на верхней койке все равно изнывала от духоты, кожа была липкой от солнцезащитного крема и соли. Вот бы между койкой и потолком было побольше места, чтобы сесть и выпрямиться. Иллюминатор открывался всего на пару сантиметров, свежий воздух почти не проникал внутрь. По ложбинке на груди скатилась капля пота.

Тихий плеск волн о борт яхты никак не мог успокоить мысли, они все возвращались к отцу. С тех пор, как Лана оказалась на «Лазурной», жизнь стала такой насыщенной, что она часами не думала о нем, хотя ночью часто перебирала в голове детские воспоминания, пытаясь найти трещины, сквозь которые виднелась ложь.

Лана просунула руку сквозь узкую щель иллюминатора – не прохладнее ли снаружи? Нет. Она вздохнула.

Китти с нижней койки прошептала:

– Не спишь?

– По-моему, у меня внутри все плавится, – ответила Лана.

– Ты хотя бы не обгорела. – На вершине утеса Китти утверждала, что кожа у нее уже достаточно темная и ей не нужен крем от солнца.

Лана перевернулась на живот и свесила голову вниз. Китти поднялась на локтях. Лана присмотрелась и разглядела в темноте очертания подруги.

– Кит, помнишь, как я ужасно хотела в Грецию?

– Конечно. Целый семестр брала с собой на обед только

хлебные лепешки с сыром фета и оливками.

До переезда в Англию мать Ланы жила в Афинах, на окраине города. О ней у Ланы сохранились лишь обрывки воспоминаний, вроде наполнявшего кухню запаха жареных баклажанов и оливкового масла и угловатых черт лица, на фоне которых особо выделялись пухлые губы.

– Папа все говорил, что мы не можем позволить себе поездку или что он не может взять отпуск. – Лана покачала головой. – Очередная ложь. Я вспоминаю все эти мелочи, сотни деталей, которые оказались полной брехней. Все мое чертово детство – сплошной обман!

– Не говори так. – Китти выпрямилась, насколько позволяло расстояние между койками. – Твой отец тебя любит. Да, он облажался, но у него были на то причины. Он пытался тебя защитить.

Лане хотелось, чтобы Китти разделила ее гнев. Раны еще не затянулись, боль была слишком сильна, чтобы позволить Китти смотреть на произошедшее с точки зрения отца Ланы. Вздыхнув, она сказала:

– Пойду, что ли, поплаваю.

– Сейчас?

– Да.

Лана слезла с койки; та прогнулась и скрипнула. Сняла купальник с крючка на двери – еще не высох.

– Ты правда пойдешь плавать?

– Буду держаться поближе к яхте.

– Там же темно.

– Ночью так обычно и бывает.

Когда Лана уже направилась к выходу из каюты, Китти спросила:

– Все в порядке?

– Да. Извини, просто слишком жарко.

– Ладно... Только будь осторожнее, хорошо?

– Конечно, – ответила Лана.

Выйдя в коридор, она вспомнила то странное скользкое прикосновение, которое почувствовала тогда, плавая ночью, и на мгновение засомневалась.

Лана пробиралась по проходу к камбузу, где по-прежнему стоял запах мяса, которое они готовили на ужин. Из какой-то каюты доносился храп, гудел холодильник.

На палубе было чуть прохладнее, но куда лучше, чем в тесноте каюты. Лана направилась к корме и вдруг кого-то спугнула.

– Черт! – вскрикнул Денни, стоявший спиной к ней. – Ты всегда так подкрадываешься к людям, когда те писают?

– Извини, – рассмеялась Лана, прикрывая рот рукой.

– Если хочешь воспользоваться ванной под открытым небом, то тут очередь.

– Я лучше воспользуюсь подводной ванной.

– Хочешь поплавать?

– Надо освежиться, – кивнула Лана.

– Составить тебе компанию?

Лана пожала плечами.

– Если догонишь.

Они прыгнули в воду с носа яхты, и прохладное ночное море окутало их тела. Лана плыла впереди, отдаляясь от судна и тени острова в сторону серебристой тропинки луны.

Плыли молча, слышно было только, как руки пронзают воду, как оба отталкиваются ногами, как дышат.

Луна была нарастающей, почти полной. Один бывший парень научил Лану определять, растущая ли луна: правая сторона должна быть круглой и объемной, а левая – более плоской, отчего луна напоминает букву «D». Когда она убывает, то стороны меняются местами.

Через несколько минут Лана замедлила ход, Денни подплыл ближе. Яхта безмятежно покачивалась на волнах вдалеке, луна освещала ее корпус и высокие мачты. Остальные спали, свернувшись на койках, под мерный плеск волн.

– Как Жозеф-то прыгнул! – Лана хотела избавиться от преследующих ее мыслей об отце и поговорить о чем-нибудь приятном.

Денни широко улыбнулся.

– Обалдеть, Жозеф пробыл на яхте два месяца и даже словом не обмолвился, что он французский бог дайвинга. Все слушал, как мы смеемся и прикалываемся, а под конец дня выдал такое. Я радовался, что отлично прыгнул ласточкой,

пока не увидел его прыжок.

– Отлично? – Лана приподняла бровь.

– Ладно, неплохо.

Лана протерла глаза.

– Я тут болтала с Жозефом, он рассказал про родителей.

Они погибли в пожаре.

– Всего год назад, – кивнул Денни. – И больше у него никого не осталось, вообще никаких родственников. Даже... даже представить не могу, каково это.

– У тебя большая семья?

– Не особо, родители и брат. А у тебя?

– Мы с отцом вдвоем.

– Вы близки?

– Не в данный момент, – с усмешкой ответила Лана.

Денни промолчал, а Лана с ужасом поняла, что на глаза навернулись слезы. Она поспешила их вытереть.

Денни подплыл ближе.

– Эй, в чем дело? – осторожно спросил он.

То ли окружающая их темнота, то ли интимная атмосфера моря, то ли внимательный взгляд Денни – что-то заставило Лану разговориться. Она рассказала о последней встрече с отцом, которая состоялась за несколько недель до ее отъезда на Филиппины.

Стоя на коленях в спальне отца, Лана услышала, как внизу открывается входная дверь.

– Лана, это ты? – позвал он.

Она не ответила. Не пошевелилась. Она прислушивалась к его неспешным шагам: вот отец поднимается по лестнице, рука скользит по перилам. Когда он подошел к двери своей комнаты, скрипнули половицы.

– Лана, что ты тут...

Увидев раскрытый кожаный чемодан и желто-коричневый конверт в руках дочери, он замер. Поднял руку к горлу, ущипнул себя за дряблую кожу у кадыка.

– Лана...

Его растерянный вид ее ужаснул. Голос отца звучал глухо. Как будто перед ней был совсем другой человек, а вовсе не тот, кого Лана знала всю жизнь.

– Ты... ты... – начала она. Слова никак не складывались. Лана подняла конверт, в котором лежало письмо от поверенного из Греции. – Так она не умерла? Не умерла, когда мне было три года?

Отец закрыл глаза, все мышцы лица ослабли – оно будто обвисло.

Лана рассказала Денни правду: она была уверена, что мама погибла в аварии, однако на самом деле все было не так.

Мать ушла от них, вернулась на родину. В Англии она была ужасно несчастна, пока не познакомилась с доктором-греком в больнице, где работала. Когда у него закончился контракт, мама, умолчав о том, что бросает семью, уехала с ним в Афины.

– Я пытался тебе сказать, – едва сдерживая слезы, говорил

отец, – но ты была слишком маленькая, не понимала. Иногда я вставал утром, а ты спала на коврике у двери – ждала, когда она вернется.

В итоге отец решил, что им с дочерью нужно начать жизнь сначала, поэтому они переехали в Бристоль, в таунхаус на той же улице, где через несколько лет поселилась Китти.

– Когда в первый учебный день я отвел тебя в школу, учительница попросила немного рассказать о себе. Знаешь, что ты сказала, Лана? Что тебе четыре года¹, что твой день рождения в августе и что у тебя нет мамы, потому что она улетела на небеса. Я был в ужасе, я понятия не имел, откуда ты это взяла, но учительница уже гладила тебя по руке со словами: «Мама наверняка наблюдает за тобой с небес». И тут ты просияла, хотя не улыбалась уже несколько месяцев. Поэтому... я не поправил тебя, – признался папа.

Он просто промолчал, и с того момента лжи становилось все больше, и в итоге она стала похожа на правду. Когда позже Лана спросила, *как* умерла мама, отец придумал историю про автомобильную аварию.

Мать Ланы ни разу не позвонила и не написала им из Греции. Судя по всему, когда Лане было шестнадцать, она приехала. В тот момент Ланы не было дома, и отец объяснил бывшей жене, что дочь считает ее погибшей – и что он не готов раскрыть правду, если она не собирается поддерживать с

¹ В Англии учеба в начальной школе начинается с 5 лет. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Ланой постоянные отношения. Мама расплакалась и сказала, что ее новый муж до сих пор ничего не знает о Лане. И снова их оставила.

– Я бы никогда не узнала правду, – сказала она Денни, – если бы не нашла то письмо от поверенного, в котором сообщалось, что мама умерла два года назад. – Лана покачала головой. – Я столько лет горевала, а она была жива. И отец знал...

Когда Лана договорила, во рту пересохло, а мышцы в ногах заболели.

Денни внимательно смотрел на нее, не отводя глаз.

– Мне очень жаль, – искренне произнес он.

Прежде Лана делилась своей историей лишь с одним человеком, с Китти, и теперь, рассказав такое Денни, вдруг почувствовала себя беззащитной. Она отвела взгляд, посмотрела вверх. Глядя на океан звезд, чувствуешь незначительность своего бытия – ты всего лишь крупинка, плывущая в океане. Лану успокоила мысль о том, что все эти размышления, занимающие ее голову, на самом деле не имеют никакого значения.

Дыхание постепенно успокоилось, с каждым выдохом вода то покрывала грудь, то отступала. Интересно, здесь глубоко? Метров тридцать, а может, шестьдесят? В темноте под ними покачивались водоросли и мягкие кораллы, кормились и спали рыбы, закрывались на ночь раковины.

Лана вновь взглянула на Денни: тот по-прежнему смот-

рел на нее. Волосы прилипли к голове, на руках поблескивал лунный свет.

– Что ж, вот моя история, – притворно веселым тоном сказала Лана. – А какая у тебя?

Денни едва заметно напрягся, лег на спину и раскинул руки в стороны, море поддерживало его вес.

– У меня ее нет, – сказал он в небо таким же тоном.

Лана сжала губы. Странное ощущение: она будто потеряла что-то, не успев обрести.

Глава 7. Теперь

Морской спасательный центр расположен в торговом порту, чуть в стороне. Лана заезжает вслед за контейнеровозом и останавливается у заброшенного дома с плоской крышей, но не выходит из машины. Она слишком крепко держала руль, и от этого теперь болят запястья.

Лана сама не знает, зачем приехала. Что делать дальше? Просто она не могла больше сидеть дома и ждать. В галерее оставила начальнику записку с извинениями и поехала сюда, слушая по дороге радио – вдруг будут новости.

Лана сидит в машине. В неподвижном автомобиле чувствуешь себя защищенной: внутри тепло, никакого ветра. На яхте все по-другому, всем телом ощущаешь стихию: каждый порыв ветра, вздымающиеся под тобой волны, обжигающее кожу солнце. Море требует постоянного внимания.

На соседнем сиденье стопка старых блокнотов и три тупых карандаша. Иногда по выходным Лана, ничего заранее не планируя, садится в машину, едет вдоль побережья и останавливается там, где захочется. Затем перебирается на пассажирское сиденье и, положив блокнот на колени, часами рисует.

Лане вспоминается школьный класс рисования, где она засиживалась за заляпанной красками партой. Сквозь высокие створчатые окна просвечивало солнце. В классе ри-

сования можно было скрыться от остальной школьной жизни, скучной и предсказуемой. В отличие от Китти, Лана изо всех сил старалась завести друзей. Другие девчонки дразнили ее из-за странноватых туфель, густых янтарных волос и ярких шерстяных колготок, которые она надевала в «День без школьной формы». Денег у отца было немного, так что гардероб Ланы состоял из вещей, которые она покупала в благотворительном магазине в городе, куда они с папой выбирались раз в месяц.

В классе рисования было уютно. Он был полон цвета, шума и тепла, там всегда фоном играло радио и пахло скипидаром, кофе и известкой от дешевой краски. Лана сидела рядом с Китти на высоком деревянном табурете и слушала бесконечную болтовню подруги, рисовавшей узоры из розовых и фиолетовых завитушек.

Миссис Дано, учительница рисования, как-то попросила Лану после урока задержаться. Лане тогда было четырнадцать. Все занятие она водила по листу бумаги обломком угольного карандаша, не обращая никакого внимания на натюрморт с весами, который надо было нарисовать. Ни один набросок не получился, и Лана бросила все листки в мусорную корзину, а когда прозвенел звонок, перекинула сумку через плечо и тяжелым шагом направилась к выходу.

– Лана? – позвала ее миссис Дано. Учительница стояла у раковины и отмывала заляпанные краской стеклянные баночки. – Задержись на минутку.

Поймав взгляд Китти, Лана закатила глаза и остановилась, прислонившись к стене.

Как только все вышли, миссис Дано отставила в сторону банки, вытерла руки о фартук, а затем пошла в угол класса, достала три смятых комка бумаги и положила их на парту перед Ланой.

– Можешь развернуть?

Стиснув зубы, Лана взяла один комок. Бумага шуршала, как сухие листья. Она развернула рисунок: на нем изображены окна в кабинете рисования, посередине – резкий, сердитый штрих углем, разорвавший страницу.

Миссис Дано показала пальцем в левый угол рисунка, на солнце блеснуло ее кольцо с аметистом.

– Смотри, как свет здесь проходит сквозь стекло, – сказала учительница. – У тебя здорово получилось. И здесь тоже. – Она провела пальцем вниз. – Хотя нет, тут не совсем верно. Сбилась перспектива, но если просто... – Миссис Дано достала из кармана фартука угольный карандаш. – Если сделать вот так, – продолжила она, проведя линию по листку, – и не сильно давить на карандаш, добавляя тень, то будет отлично.

С помощью одного штриха рисунок изменился. Миссис Дано оперлась руками о край парты.

– Больше не выкидывай рисунки, Лана. В несовершенстве есть своя красота. Не забывай об этом.

Лана кивнула. Она встала с табурета, и его деревянные

ножки заскребли по полу.

– И еще кое-что. – Лана обернулась. – Если захочешь, приходи сюда порисовать в обеденный перерыв. – Миссис Дано посмотрела ей в глаза. – У тебя талант. Мне хотелось бы, чтобы ты его развивала.

Лана вышла из класса, щеки горели от радости. Подслушивавшая Китти ждала ее за дверью. Она взяла подругу за руку, переплела ее пальцы со своими.

– Я знала! – зашептала Китти. – Знала, что твой талант заметят.

Хватит сидеть в машине, надо идти. Лана делает глубокий вдох и выбирается наружу. На асфальте блестит пятно бензина. Ветер раздувает платье, отчего кажется, будто белые птички на нем машут крыльями и парят по зеленоватой ткани.

Лана подходит к стойке администратора – никого нет. Немного подождав, заглядывает в кабинет, там тоже пусто, компьютеры выключены.

Она идет дальше по длинному коридору, все двери закрыты. Останавливается у кабинета с табличкой «Пункт управления» и стучит.

Дверь резко открывает высокий мужчина с густыми черными усами. Он представляется – Пол Картер, это с ним она говорила по телефону. На Картере туристические ботинки, коричневые носки натянуты до середины икр. Наверное, он

из тех парней, что любят проводить вечер пятницы, жаря барбекю на городских пляжах, но сейчас он выглядит напряженным, брови сведены.

В кабинете за компьютером сидит женщина. Слева от нее стоит доска, на которую прикреплены карты, графики и распечатанные сводки погоды. В центре приколот белый лист бумаги с надписью: «Лазурная» – члены команды».

Внутри у Ланы все сжимается. Сжав кулаки, она проглядывает список имен, написанных толстым черным маркером. Ладони потеют.

Каждое из этих пяти имен вызывает море воспоминаний. Сердце бешено стучит. Только когда Пол Картер делает шаг в сторону, чтобы ей не было видно доску, Лана поднимает на него взгляд.

– Чем могу помочь? – холодным тоном спрашивает он.

Лана нервно сглатывает.

– Меня зовут Лана Лоу, я звонила насчет «Лазурной».

– Вам нельзя здесь находиться.

– Просто у стойки администратора никого не было...

– Извините, вам лучше уйти.

– Я знаю эту яхту, – в отчаянии говорит Лана. – Я плавала на ней.

Это заинтересовало Пола.

– Правда? Когда?

– В начале этого года, с января по март.

– Вам известно, какие средства связи и спасательное обо-

рудование имелись на борту? Наш контакт с судном был ограничен.

Задумавшись, Лана мысленно прошлась по яхте.

– Стандартный набор: спасательный плот и жилеты, тревожный чемоданчик, сигнальные ракеты, аварийный радиомаяк. Также был ОВЧ-радиомаяк и, кажется, еще какой-то. – Все названия забылись, все когда-то хорошо знакомые мелочи на яхте ускользают из памяти.

– А спутниковый телефон или персональный приводной радиомаяк?

– Нет, по крайней мере, я не видела.

Пол Картер кивает, обдумывает услышанное.

– Так что там случилось? – спрашивает Лана.

– Простите, мне нужно вернуться к работе.

– Пожалуйста, – говорит она. – На борту мои друзья.

Пол смотрит на Лану, затем на свою коллегу в кабинете.

– Могу сообщить лишь, что у команды возникли трудности, и им пришлось покинуть судно.

– Есть какие-нибудь новости? Они в безопасности?

– Поисково-спасательная служба делает все возможное, но пока у нас никаких новостей. Всем судам в районе передан сигнал бедствия, одна парусная яхта и торговое судно изменили курс, чтобы пройти через зону поиска.

– Пройти? Туда еще никто не добрался?

– На тот момент оба судна находились в сорока милях от яхты. Поисково-спасательный вертолет уже прочесывает

местность, и мы ждем новых сообщений.

- Члены команды выбрались на спасательный плот?
- Боюсь, мы не располагаем подобными сведениями.
- Значит... они могут все еще быть в море?
- Такая вероятность не исключена.

Лане очень хочется остаться в пункте управления, ведь если появятся какие-то новости, именно Пол Картер узнает об этом первым, но он говорит:

– Мой коллега обустроил комнату ожидания для родственников пострадавших. Остальные уже направляются сюда.

Кто же, интересно? Родные в Новой Зеландии есть только у Аарона и Денни. Да, родители Денни наверняка приедут, он говорил, что очень скучает по ним – они не виделись уже два года.

– Я вас отведу. – Обернувшись, Пол спрашивает: – Фиона, какой кабинет выделили для родственников?

– По-моему, 12-А, – отвечает она, держа руки над клавиатурой.

Где-то в комнате пищит радиоприемник. Картер подходит к столу с большим монитором, поднимает присоединенную к нему рацию. Раздается голос:

- Спасательный центр, спасательный центр, это группа один, группа один. Вы нас слышите?
- Спасательный центр на связи. Что у вас, группа один?

– Мы отслеживали аварийный радиомаяк «Лазурной» и определили ее местоположение.

Лана замирает, внутри зарождается надежда. Денни как-то объяснял ей, что аварийный радиомаяк – это устройство, которое запускается в любой спасательной операции. Радиомаяк приписан к определенному судну и передает его точные координаты через систему GPS, пока само устройство и, при благоприятном исходе, члены команды не будут найдены.

– Слушаю, группа один. Каковы координаты на данный момент?

– Координаты «Лазурной» – 32*59.098’S, 173*16.662’E. Повторяю, координаты «Лазурной» – 32*59.098’S, 173*16.662’E.

Прислонившись к столу, Картер вводит координаты на одном из трех мониторов на главном пульте управления.

– Вас понял. Имеется визуальное опознавание? Радиомаяк находится на борту спасательного плота?

Рация молчит, слышны только помехи.

Лана смотрит на Картера: тот нахмурил брови, губы сжаты в тонкую линию.

– Повторяю, радиомаяк находится на борту спасательного плота?

В кабинете раздается ответ:

– Спасательного плота в пределах видимости нет. Аварийный радиомаяк прикреплен к телу.

Глава 8. Тогда

Стоя на якоре, «Лазурная» медленно покачивалась на волнах. Дул легкий ветерок. На палубе Генрих возился с радиоприемником: разобрал его и разложил детали на кухонном полотенце, а Шелл подписывала открытку родителям.

Положив альбом на колени, Лана низко наклонилась к странице, кончик языка прижался к передним зубам. Быстрыми, резкими штрихами она сделала карандашный набросок свернутого в кольцо троса, лежавшего перед ней на палубе. Взглянув на рисунок, Лана поняла, что не совсем правильно изобразила кончик троса, выбившийся из кольца. Она оторвала кусочек ластика, покрутила между пальцев, чтобы заострить и осторожно стереть лишнее.

Еще несколько минут Лана потратила на то, чтобы исправить набросок, пока не осталась им довольна. Затем подняла альбом и отвела в сторону на вытянутой руке. Внимательно рассмотрела, прикрыв один глаз. Изгиб веревки детально прорисован, отлично. У наброска интересный смысл: ровно свернутый трос обозначает порядок, но кое-где из него выгибаются нити – порядок начинает рушиться.

Лана закрыла блокнот, сверху положила карандаш. Вдруг по палубе к Генриху пронесся Жозеф – взгляд хмурый, губы крепко сжаты.

– Здорово, сосед, – притворно улыбнулся Генрих. Все зна-

ли, что эти двое не в восторге от того, что им приходится делить каюту. Чаще всего кто-то из них уходил спать в гамак на палубе.

– Ты копался в моем рюкзаке? – требовательным тоном спросил Жозеф.

– В твоём рюкзаке?

– Кто-то в нём рылся! Вещи лежали совсем по-другому! – Жозеф то сжимал, то разжимал кулаки, цепляя длинные рукава рубашки.

– Да кому это нужно? – с вызовом сказал Генрих.

– Так это ты или нет?

Генрих закатил глаза.

– Думаешь, мне интересно, что ты там вечно пишешь в своей книжечке?

– Генрих! – осадила его Шелл.

– Нет, я не копался в твоих вещах, – более спокойным тоном ответил он.

Жозеф глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

– Значит, я ошибся, – признал он, но не отвел взгляда от Генриха.

Через некоторое время Жозеф все-таки отвернулся, достал из кармана коробочку с табаком и быстро свернул самокрутку. Стоя спиной к остальным, закурил и вдохнул дым, расслабив напряженные плечи.

Пытаясь разрядить атмосферу, Лана спросила у Шелл:

– Как открытка, уже подписала?

Каждый раз, когда они оказывались в каком-нибудь городе, Шелл прочесывала рынок в поисках открыток.

– Иногда мне кажется, будто я отсылаю родителям туристическую брошюру, а не делюсь своими чувствами о том, каково мне здесь, понимаешь?

Лана кивнула, хотя сама не связывалась с отцом с тех пор, как уехала. Китти отправила домой несколько электронных писем, так что до папы новости наверняка дойдут.

– Им наверняка нравится получать от тебя открытки.

– Не знаю, – пожала плечами Шелл. – Они мне не отвечают. Даже по электронке ничего не прислали. Так что я не в курсе, читают ли они вообще мои письма.

– Почему же? – поразилась Лана.

– Мы не очень-то ладили. Они не одобряют... мой жизненный выбор. – Засмеявшись, Шелл объяснила: – Когда я сказала родителям, что я лесбиянка, они прямо *убивались*. Серьезно, как будто кто-то умер.

Жозеф выпустил дым вверх, в ясное голубое небо.

– Тогда почему ты продолжаешь им писать?

– Хочу хотя бы попытаться. Они ведь моя семья, – ответила Шелл.

– Родители не боги. Они обычные люди. Люди, которые могут быть... настоящими придурками, разве нет? – От злости у Жозефа сбивается дыхание. – Если им не нравится то, какая ты есть, что тогда? А? – Шелл ошарашенно посмотрела на него. – Все это... зря! – крикнул Жозеф, показывая си-

гаретой на открытки.

– Жозеф... – В тоне Генриха звучало предупреждение.

– Я говорю тебе правду. Ты очень милая, очень добрая девушка, Шелл. Ты зря тратишь время, думая о них, если они о тебе не думают!

В глазах Шелл заблестели слезы. Она медленно собрала открытки и молча ушла с палубы.

Генрих тоже поднялся, бросил на Жозефа сердитый взгляд.

– Зачем ты?

– Просто говорю, что думаю.

– В следующий раз лучше молчи! Шелл и так нелегко пришлось, ясно?

Снова затянувшись, Жозеф ответил:

– Лучше услышать правду, чем жить мечтами, разве нет?

– А ты бываешь еще тем засранцем. – Генрих пошел вниз следом за Шелл, оставив разобранный серебристый приемник блестеть на солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.